

*Посвящается моим Учителям:
Дмитрию Александровичу Ошанину
и Аршаку Израеловичу Миракяну*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга является, можно сказать, своеобразным отчетом перед моими научными учителями и одновременно попыткой самому разобраться, куда привели меня заложенные ими научные поиски.

Мое вхождение в психологическую науку началось со встречи с двумя уникальными учеными — Дмитрием Александровичем Ошаниным и Аршаком Израеловичем Миракяном, которые стали моими первыми научными руководителями и которых я считаю моими непосредственными Учителями. Когда Василий Васильевич Давыдов познакомился с поисковым направлением А.И. Миракяна, он предложил для поддержки этого направления создать специальный микросеминар¹, постоянным участником которого стал удивительный человек и методолог Феликс Трофимович Михайлов. Поэтому в некоторой степени В.В. Давыдова и Ф.Т. Михайлова я тоже считаю своими учителями, хотя и не работал под их непосредственным руководством. Основной темой данного микросеминара стало обсуждение фундаментальной проблемы психологии: как изучать психику, если она представлена только продуктивной (феноменологической) стороной, а теоретические и эмпирические предпосылки исследовательского способа мышления (по сути, парадигмы) тоже опираются на феноменологическую данность продуктов тех или иных психических процессов. По образному выражению Ф.Т. Михайлова, эта ситуация получила название парадокса барона Мюнхгаузена, который пытался вытащить себя из болота за свои собственные волосы. Обсуждение этих проблем проходило в основном на материале психологии восприятия, как наиболее «простой» психической реальности. Первоначально то направление в психологии восприятия, которое разрабатывал А.И. Миракян, обозначалось как «афизикальный подход в психологии восприятия», но после нескольких лет его обсуждения на указанном микросеминаре оно получило название трансцендентальной психологии восприятия (Миракян, 1999, 2004). В рамках этого направления мною были защищены кандидатская и докторская диссертации, посвященные порождающему процессу восприятия движения, скорости и стабильности объектов. Эти исследования стали стимулом к размышлениям о методологических ограничениях и отличии гносеологической парадигмы изучения психики от онтологической и трансцендентальной парадигм.

Но начиная с 1992 года, с легкой руки Василия Васильевича Давыдова, мне пришлось стать одним из соруководителей (вместе с В.П. Лебедевой и В.А. Орловым) программ «Экология детства» и «Одаренный школьник», выполнявшихся на базе Центра комплексного формирования личности РАО (г. Черноголовка Московской области).

¹ Часть материалов этого семинара потом была издана в виде двух книг: Миракян, 1999, 2004.

Работа по этим темам заставила меня погрузиться в область психологических исследований, занимающихся изучением влияния окружающей среды на обучение и развитие (физическое, психическое, социальное) детей школьного возраста. Говоря об окружающей среде, я имею в виду среду семейную, образовательную (дошкольную, школьную, вузовскую и внешкольную в учреждениях дополнительного образования), а также пространственно-предметную, информационную, этнокультурную и т. п. Стало ясно, что окружающая среда выполняет по отношению к школьникам двоякую роль. С одной стороны, она предоставляет (или не предоставляет) условия, необходимые ребенку для его успешного обучения и обусловленного этим обучением развития. Поэтому возникла необходимость выяснить, какие условия нужны для успешного обучения и развития школьника, развитие каких сфер его личности они обеспечивают, способен ли ученик самостоятельно использовать эти условия, каковы должны быть действия педагога и психолога, чтобы условия школьной образовательной среды способствовали успешному обучению и развитию детей, и т. д. С другой стороны, окружающая среда является не только условием, но и фактором, оказывающим определенное влияние на обучение и развитие школьника. В частности, речь идет о том влиянии, которое оказывают различные образовательные технологии на напряженность обучения и, следовательно, на психическое и физическое состояние учащихся. В свою очередь это поставило вопрос о соответствии содержания и методов обучения собственной природе физиологического, психического и социального развития детей школьного возраста.

Сама формулировка темы «Экология детства» вынуждает нас обратиться к вопросу отношения человека к природе, то есть к окружающему миру природы, а также к внутренней природе самого человека, его развития как явления, двуединого по своей биологической и социальной сущности. На самом деле речь должна идти не о двух, а о четырех сущностях, реализующихся в человеке: биологической, социальной, духовной, о которой все чаще вспоминают в последние десятилетия, и психической, которую по определенным причинам обычно сводят (редуцируют) к первым трем. Понятно, что школьное обучение, помимо знаний по учебным предметам, должно обеспечивать формирование духовно-нравственной сферы учащихся как системы их жизненных установок и ценностей общечеловеческого плана. И прежде всего по отношению к окружающей природе, к другим людям и к самому себе как существу не только социальному, но и природному. Иначе говоря, речь идет о формировании сознания учащихся и в первую очередь сознания экологического. Отсюда необходимость углубленно исследовать экологическое сознание, его психологическую структуру и психолого-педагогические условия его формирования.

Так возникла необходимость анализа и обобщения данных по психологии экологического сознания как одного из направлений экологической психологии и, в итоге, анализа других основных направлений эколого-психологических исследований, изучающих развитие психики и сознания человека в системе «человек — окружающая (социальная и природная) среда».

Понятно, что решить проблему обучения и развития одаренного школьника в условиях массовой общеобразовательной школы невозможно без изменения самих целевых установок школьного обучения. Речь идет о необходимости замены вопроса о содержании и методах обучения тем или иным учебным предметам вопросом о создании условий, обеспечивающих развитие способностей детей с разным

уровнем готовности к обучению. То есть необходимо создание образовательной среды как системы условий и факторов, обеспечивающих учащимся возможность для проявления их творческой природы, их скрытых (потенциальных) интересов и способностей наряду с детьми, чьи способности уже проявились и были развиты до высокого уровня.

Подобное смещение акцента влечет за собой изменение понимания того, что в ходе школьного обучения должны создаваться условия для развития не только познавательной сферы учащегося (познавательные процессы и способности), но также его эмоциональной, личностной, духовно-нравственной и, конечно же, соматопсихической (телесной) сферы его сознания. Более того, предметом развития в процессе современного школьного обучения должно быть именно сознание учащегося как системное единство всех сфер его психики, определяющее и выражающее его отношение к окружающему миру, другим людям и самому себе как части этого мира.

Отсюда возникла необходимость анализа еще двух проблемных направлений. Это, во-первых, проблема психических состояний, возникающих в условиях повышения напряженности образовательной среды в школе как педагогического средства развития способностей учащихся и в условиях характерной для современного общества стрессогенности социально-экономических отношений, то есть социальной среды в целом.

Во-вторых, это проблема экологического сознания, о чем было сказано выше, которая предстает не только как проблема экологии детства или мировоззренческая проблема духовно-нравственного развития учащихся, но и как проблема социализации учащихся в соответствии с возрастными и социальными особенностями их развития. Речь идет о том, что на каждом возрастном этапе развития (дошкольном, младшем школьном, подростковом, старшем школьном) должно произойти формирование таких биологических, психологических и личностных (социальных) новообразований, которые обеспечивали бы его вхождение на последующий этап возрастного развития. В частности, согласно возрастной периодизации Д.Б. Эльконина, это должны быть психические новообразования, соответствующие типу деятельности, ведущей для данного возраста.

Необходимость разобраться в перечисленном круге проблем послужила причиной создания в 1996 г. Лаборатории экопсихологии развития в Психологическом институте РАО и проведения в этом же институте шести российских конференций по экологической психологии (в 1996, 2000, 2003, 2005, 2008 и 2012 гг.).

Несмотря на тематическое разнообразие указанных исследований, они тем не менее объединены общим концептуальным замыслом — парадигмальным поиском и анализом способов полагания психики в качестве объекта исследования: а) как ставшей психической реальности, представленной в психических феноменах человека, опредмеченной в его деятельности и в то же время отчужденной от непосредственного процесса их порождения; б) как реальности становящейся, т. е. обретающей форму актуального процесса непосредственного порождения психических новообразований на процессуально-порождающем уровне психических актов.

Обусловленный этой методологической альтернативой анализ гносеологической, онтологической и трансцендентальной парадигм изучения психики привел к пониманию необходимости изменения методологических предпосылок изучения

психики и к разработке экопсихологического подхода к развитию психики (экопсихологии развития). В основу этого подхода было положено представление о психике как форме бытия, феномены которой порождаются и развиваются в процессе и посредством взаимодействий субъекта психической активности (человека или иного живого существа) с окружающей средой. При этом были выделены базовые типы таких взаимодействий (объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный, субъект-обособленный, субъект-порождающий и субъект-совместный), названные экопсихологическими, а также разработана онтологическая модель становления субъектности. Реализация этого подхода представлена на материале феноменов восприятия (движение и стабильность объектов) и незавершенности психических состояний, одаренности и развития субъектности, образовательной среды и экологического сознания, межвидовой психологии и ноосферы.

Эта работа стала возможной благодаря финансовой поддержке со стороны Российского гуманитарного научного фонда.

Не могу не выразить благодарность за поддержку моей работы В.В. Рубцову, В.В. Знакову, за сотрудничество в разные периоды работы: В.П. Лебедевой, С.Д. Дерябо, В.А. Ясвину, Л.М. Богатыревой, Т.В. Хромовой, Т.А. Антопольской; сотрудникам Лаборатории экопсихологии развития Т.М. Марютиной, М.О. Мдивани, Ш.Р. Хисамбееву, А.В. Гагарину, П.Б. Кодесс и др.; моим аспирантам и докторантам, взявшим на себя труд эмпирической реализации моих поисков: Н.В. Лапчинской, А.В. Гагарину, Т.В. Крупе, М.В. Селезневой, А.А. Суханову, Н.М. Сараяевой, Г.П. Поздняковой, А.В. Капцову, А.В. Никольской; а также В.И. Моросановой и И.В. Поповой — за ценные советы по названию книги и отдельным формулировкам. Особая благодарность за помощь и терпение моей сотруднице и жене Элле Викторовне Лидской.

ВВЕДЕНИЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПАРАДОКСОВ В ИЗУЧЕНИИ ПСИХИКИ¹

Изучение психики и ее экспликация в качестве объекта и предмета исследования неизбежно сталкиваются с фундаментальной особенностью психического, которая выражается в том, что, как отмечает А.И. Миракян (1999, 2004), исследователь психики имеет дело с ее проявлениями, то есть продуктами психического процесса, в то время как сам психический процесс порождения этих продуктов остается скрытым от наблюдения. И более того, как показывает этот автор, вследствие эмпирических предпосылок эволюции человеческого мышления оно способно осмысливать психику только опосредованно — опять же через продукты психического процесса, в то время как сам психический процесс, порождающий эти продукты, остается за пределами логико-понятийной структуры человеческого мышления.

Отсюда возникает вопрос и проблема: а что же тогда изучает психология и действительно ли ее предметом является психика? И здесь мы сталкиваемся с рядом парадоксов.

Семь парадоксов психологического исследования

Парадокс 1. Если исходить из значения термина «психология», то психология — это наука о душе. Но при этом современное научное психологическое сообщество молчаливо признает, что собственно «душа» является предметом богословия, но не научной психологии. Психология, говорим мы вслед за учебниками, изучает психические процессы, эмоциональные состояния, черты личности, сознание и тому подобные психические явления, но не «душу». Правда, в последние годы стали появляться работы, авторы которых пытаются вернуть «душу» психологии, точнее — в объект психологии. Однако работы эти проистекают либо из богословских предпосылок, в основе которых лежит представление о человеке как единстве тела, души и духа (Гостев, 2001; Дворецкая, 2006; Котенева, 2010; Флоренская, 2001 и др.), либо имеют весьма декларативный характер. Определенным исключением в этом плане являются работы В.Д. Шадрикова (1996, 1998) о генезе духовных способностей. При этом необходимо отметить, что в психологическом сообществе как-то обходят стороной то обстоятельство, что критерием научности является естественно-научный способ мышления, представленный в предельной форме в физике и математике и практически воплощаемый в технических достижениях нашей цивилизации. Логические

¹ По материалам: *Панов В.И.* Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 50–54. — Работа поддержана грантом РФФИ № 11-06-00735.

основы естественнонаучного способа мышления заложены, как известно, Декартом и другими философами и физиками Нового времени (см., например, декартовские «Правила для руководства ума»). Однако не все знают, что, когда Декарт создавал эти правила, он исходил из того, что человек — это единство души и тела. При этом он сделал весьма принципиальную методологическую оговорку, а именно: он сказал, что «душу» изучать мы не можем, так как она принадлежит Богу и не может быть предметом научного познания. Но мы можем изучать «тело» человека как машину, как «механическую вещь», используя те правила для ума, с помощью которых мы можем и должны изучать другие физические тела и другие, как выражаются философы, «вещные отношения». Однако в итоге исторического развития психологии как естественнонаучной дисциплины она естественно (простите за тавтологию) стала ориентироваться на естественно-научный способ мышления, то есть пользоваться тем способом исследовательского мышления, который изначально был предназначен и разработан для изучения непсихических, вещных свойств и отношений. Основатели современной психологии считали это условием превращения ее в «настоящую» науку.

Парадокс 2. Исходно полагая, что объектом психологии является психика, мы в качестве предмета психологического исследования определяем (эксплицируем) психические процессы (восприятия, мышления, памяти и т. п.), эмоциональные состояния и переживания, темперамент и способности, личностные черты и сознание и т. д. Однако если исходить **из принципа системности**, то психика не сводится к своим проявлениям, хотя и проявляется в них (Ломов, 1984; Барбанщиков, 2004; Сергиенко, 2006 и др.). Тогда как же определить психику в качестве объекта исследования? По частям? Ощущения, восприятия, мышление, личность, сознание? Но ведь это все **уже порожденные проявления** психики в форме тех или иных ее продуктов и в тех или иных условиях. А как же эксплицировать психику в качестве предмета исследования — **как то, что** порождает эти проявления?

Парадокс 3. Если исходить **из деятельностного принципа** (Леонтьев, 1972; Рубинштейн, 1946 и др.), то психика проявляется и формируется в деятельности и посредством деятельности. Но тогда психика предстает перед нами **опосредованной и, более того, опредмеченной** целями, условиями, мотивами и, наконец, предметом той деятельности, в рамках и посредством которой психику заставили проявлять себя. Но цели, мотивы, предмет деятельности — это уже проявленные свойства и качества психики. Более того, меняя виды деятельности и условия ее выполнения, мы получаем разные проявления психики как предмета нашего исследования (см., например, «пристрастность» по А.Н. Леонтьеву, «оперативный образ» по Д.А. Ошанину и др.). Сколько меняем, столько разных проявлений психики и получаем.

Парадокс 4. Может быть, искать в фундаментальных свойствах психики? Так, если исходить **из принципа отражения**, то фундаментальным свойством психики является ее предметность. Это означает, что вышеуказанные проявления психики (процессы, состояния, сознание и др.) исследуются нами не в непосредственной их форме, а в форме, опосредованной либо их предметным содержанием, либо содержанием потребности и целями (задачами) перцептивного акта, что опять же обуславливает предметно-содержательную опосредованность представления

психики в качестве предмета исследования (Барабанщиков, 2000; Миракян, 1999, 2004; Панов, 2004 и др.)².

Парадокс 5. Но, кто-нибудь скажет, ведь есть же **принципы развития и процессуальности**, которые дают возможность исследовательскому мышлению выделить в качестве предмета исследования именно процессуальную сторону порождения психических явлений. И действительно, есть так называемый метод срезов и даже метод формирующего эксперимента, которые позволяют либо проследить процессуальные стадии (срезы) развития того или иного психического явления, либо смоделировать процесс подобного развития, реконструируя условия и предполагаемый механизм данного процесса развития. Однако исходным основанием и в том и в другом случаях выступает изначальная (целевая) заданность того продукта психического, процесс развития которого нами исследуется. В качестве примера можно привести этапы формирования перцептивного образа (Ланге, 1894; Ломов, 1984 и др.), степень дифференцированности которого определяется относительно тех пространственных свойств и отношений, которые **еще только должны** быть восприняты. В случае с формирующим экспериментом ситуация еще более наглядна, так как мы создаем условия для формирования того психического свойства (процесса, качества и т. п.), который хотели бы получить — например, сформировать процесс мышления учащегося на основе обобщения «по теоретическому типу» (Давыдов, 1996), то есть опять же — **что задаем** в качестве цели эксперимента, **то и получаем**.

Однако если исходить из диалектических принципов, то по Гегелю: **процесс в продукте умирает**. В нашем случае это означает, что хотя процесс порождения психического продукта умирает, но остается продукт (феномен), порожденный им, то есть психика в форме своего продукта в виде того или иного вида психической реальности (ощущения, эмоции, потребности, сознания и т. д.). И именно этот продукт выступает для нас в качестве явной или неявной предпосылки для экспликации психического в качестве предмета теоретического и экспериментального исследования ее же самой, точнее — порождения ею этого своего же продукта.

Дело в том, как показывает А.И. Миракян (1999, 2004), глубинной основой, психологической предпосылкой и необходимым условием эволюционного формирования человеческого мышления, в том числе и исследовательского, выступают

² Еще одна из попыток «схватить», зафиксировать психику вне ее опредмеченности сделана В.А. Петровским (2007, с. 59), который ввел для этого специальное понятие «анимум»: «Заметим, что в этом ряду “субъективности” отсутствует ядерный элемент, который я называю “анимумом”. В отличие от всех вышеназванных и более сложных элементов, надстраивающихся над ним, анимум представляет собой первичное субъективное проявление психики, не соотносимое ни с одним из объектов вовне ни по одному из мыслимых качественных критериев (вкус, цвет, запах, звук, плотность, протяженность, вес, форма и т. п.), и, кроме того, анимум не совпадает ни с одним из рефлексивных свойств психики (например, с переживанием “это — во мне, внутри меня”, или “это — вовне меня”, “по ту сторону”). Анимум есть переживание бытия, а оно — попробуйте отличить! — есть то же самое, что и переживаемое бытие. Существование анимума, на мой взгляд, дает ответ на стародавний вопрос о продуктивности внимания: является ли внимание продуктивным процессом. Ответ: “Да”, если иметь в виду, что внимание есть процесс актуализации базового психического элемента: то, чего не было, посредством внимания теперь есть в сознании».

практические (эмпирические) действия человека с вещными (предметными) свойствами и отношениями окружающего мира. Поэтому, во-первых, психика предстает перед нами не в непосредственной своей данности, а, как уже говорилось, в виде своих продуктивных (результативных) проявлений, обеспечивающих регуляцию биологически целесообразных действий с предметами окружающего мира. Причем, как уже отмечалось, эти проявления предстают перед нами опять же не в своем непосредственном виде (данности), а в опредмеченном виде — опосредованном предметным (объектным) содержанием эмпирического взаимодействия человека с окружающим миром. Следовательно, когда мы пытаемся в качестве предмета исследования представить процессуальную сторону психического, то эта процессуальность психического поневоле предстает перед нами, образно выражаясь, сквозь призму эмпиричности и предметной опосредованности самого способа исследовательского мышления, то есть исходя из продуктивной (результативной) стороны психики, а не из ее собственной процессуальности. Более того, собственно деление бытия на «пространство» и «время» как разные формы бытия тоже имеет в своей основе результативный продукт непосредственного восприятия окружающей действительности, расчленяемой непосредственно-чувственным актом на «пространственную» и «временную» составляющие.

Парадокс 6. Логика полагания «процессуальности» психического в качестве предмета исследования строится, как известно, на категориях пространства и времени. Это означает, что исследовательское мышление, образно выражаясь, «мыслит» категориями и понятиями «пространства-времени». Однако по тем же причинам наше человеческое мышление осмысливает такие явления, как «изменение», «время», «динамичность», «процесс», «процессуальность», представляя и описывая их с помощью пространственных представлений, понятий и отношений, то есть опосредствуя «время» и его «изменение» пространственными представлениями и отношениями. Вспомним тот же метод срезов, декартову систему координат для изображения динамически протекающих явлений (возможны и другие аргументы). Если вы проделаете мысленный эксперимент, пытаясь представить в своем мышлении «временную длительность», то обнаружите, что не можете представить себе «время» иначе, как только представляя его в виде пространственных образов и отношений, то есть обнаруживается, что человеческое мышление может осмысливать «время» только в форме «пространственных отношений». Иначе говоря, человеческое мышление описывает «время» опять же не в непосредственной его данности (реальности), а опосредствуя (и, значит, подменяя) его человеческими пространственными представлениями и отношениями, то есть уже порожденными продуктами психических актов. Это означает, что в силу данной особенности человеческого мышления мы определяем «процесс» и «развитие» психики в пространственно-опосредованной форме.

Но пространственность окружающего мира суть тоже продукт психического отражения, причем в разных формах его опосредования. В частности, речь идет о том, что в психологических исследованиях (в других, кстати, тоже) «пространство» как исходная категория научно-психологического исследовательского мышления имеет разный смысл, разный характер (Панов, 2004). Так, в рамках классической психологии (структурализм В. Вундта и др.) постулируется абсолютный характер пространства (т. е. независимость его свойств от объектов его заполняющих),

в гештальтпсихологии постулируется относительный характер пространства (т. е. зависимость его свойств от объектов его заполняющих), в экологическом подходе Дж. Гибсона (1988) постулируется непосредственная данность окружающего пространства как среды обитания (т. е. зависимость его воспринимаемых свойств от способа жизнедеятельности субъекта восприятия), в концепции оперативности психического отражения Д.А. Ошанина (1977) пространственность объекта восприятия непосредственным образом зависит от предметного действия, в рамках которого осуществляется акт восприятия данного объекта (функциональная деформация пространственных свойств объекта восприятия), в трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна (Миракян, 1999, 2004; А.И. Миракян и современная психология восприятия, 2010) пространственность окружающего мира порождается в непосредственном акте восприятия и обусловлена не только задачей действия, но структурно-процессуальной анизотропностью самой отражательной системы, вследствие чего необходимым условием и принципом порождения пространственности является анизотропное искажение принимаемых воздействий. В итоге становится понятно, что «процессуальность» психического как объект и предмет исследования непосредственным образом зависит от того, какой смысл вкладывает исследователь (его мышление) в понятие пространственности окружающего мира и в конечном счете в понятие пространства как категории исследовательского мышления (Панов, 2006).

Парадокс 7, который, возможно, является причиной предшествующих парадоксов и который выделяет психологию из ряда других естественных наук в особую методологическую позицию. Дело в том, что в психологии, в отличие от других наук, психика выступает одновременно как объект исследования и как средство (способ мышления) исследования ее самой же, то есть имеет место совпадение психики как объекта и как средства ее исследования (Давыдов, 1996; Михайлов, 1993; Миракян, 1999, 2004). Ф.Т. Михайлов называл это методологическим парадоксом Мюнхгаузена, который пытался вытащить себя из болота за свои же собственные волосы. Именно по этой причине психика в качестве предмета исследования всегда опосредована и ограничена не только своей феноменальной стороной («процесс в продукте умирает» и потому в продукте феноменально не представлен), не только своей опредмеченностью вещными отношениями внешнего мира, но также и **тем способом мышления** (а это тоже продуктивное, феноменальное проявление психики), посредством которого осуществляется экспликация психики в качестве объекта и предмета исследования.

В итоге надо признать, что в научной психологии мы изучаем не психику как таковую, а именно разнообразные ее проявления (частные феномены), в которые она «облачена» в зависимости от способа полагания, то есть мышления (как модница облакает себя всякий раз в разные одежды). И в зависимости от особенностей исследовательского мышления мы будем фиксировать психику (в качестве объекта и предмета исследования) «облаченной в одежду» тех или иных своих феноменальных проявлений, но не собственно психику как таковую, которая, проявляясь в каждом из своих феноменов, тем не менее, не сводится ни к одному из них. Поэтому некорректно говорить о том, что, например, гештальттеория восприятия более истинна, чем теория восприятия в ассоциативной (структуралистической) психологии или деятельностная теория восприятия. Истинность каждой из таких теорий

определяется и задается тем способом мышления, посредством которого и в рамках которого была произведена экспликация исследуемой психической реальности в качестве объекта и предмета исследования и заданы критерии представления эмпирических результатов в качестве теоретически обоснованных и эмпирически подтвержденных фактов.

Возможность экспликации психики в качестве объекта исследования

Начнем с того, что представление о мышлении и других высших психических функциях как разных формах объективно существующей психической реальности имеет в своей основе допущение, что ее субъектом-носителем является человек³. Это означает, что психика как подлежащая исследованию объективная реальность существует не сама по себе в виде самостоятельной формы бытия, а лишь в форме **атрибутивной**, как свойство человека. И потому в наиболее распространенных подходах и способах к ее определению (полаганию, как говорят методологи) в качестве объекта исследования она изначально рассматривается производной («вторичной») от человека как существа биологического и социального, в том числе и деятельного (деятельностного); а ныне часто добавляют еще и духовного. Это означает, что, согласно этим подходам, психика не обладает субстанциональностью, так как она суть проявление субстанциональности человека как явления и как одной из форм бытия. Соответственно, источник развития психики следует искать не в самой психике как самостоятельном природном явлении (в широком, не биологическом смысле этого слова), а в человеке и характерных для него видах биологической и социальной активности. Тем самым происходит редуцирование психики как явления к биологически и социально обусловленным формам ее проявления.

Поэтому, если рассматривать психику вне системы «человек — окружающая среда», то экспликация сферы существования психической реальности будет ограничена, согласно указанным рассуждениям, только сферой существования человека как ее субъекта-носителя и как компонента этой системы (и тем самым обречена на редукционизм).

Пример с системой «человек — окружающая среда» как исходным основанием для экспликации психики в качестве объекта исследования обусловлен тем, что эта система была использована нами в качестве исходного основания для объединения различных эколого-психологических исследований (психологической экологии, психологии окружающей среды, психологии экологического сознания и др.) в экологическую психологию как самостоятельную область психологических исследований (Панов, 2004, 2006; 2-я Российская конференция... , 2000, 2001; 3-я Российская конференция... , 2003).

И вот только здесь обнаруживается методологическая возможность разработки гипотетического ряда предпосылок, позволяющих эксплицировать психику в качестве объекта и предмета исследования вне ее опредмеченности. О каких же предпосылках идет речь?

³ Хотя субъектом психических феноменов, как известно, могут быть и другие представители живой природы (см. Леонтьев, 1983).

Согласно первой предпосылке, психика представляет собой такое же общеприродное явление, как, например, явления гравитации, электромагнетизма, жизни и т. д.⁴ И так же, как все эти и другие подобные им общеприродные явления, она представляет собой форму бытия, которое обретает конкретные формы своего существования во взаимодействии с другими формами бытия, всякий раз проходя этапы самопорождения, самосохранения и саморазрушения, что в феноменальном плане предстает как последовательность рождения, развития и смерти, то есть перехода в другие формы бытия. Причем как формы бытия могут в данном случае рассматриваться и такие частные формы психики, как психические процессы, психические состояния и сознание (Миракян, 1999, 2004; Панов, 2004).

Согласно второй предпосылке, существуют по крайней мере две парадигмы и, соответственно, два способа⁵ полагания психики в качестве объекта исследования (Миракян, 1999, 2004; Панов, 1998, 2001, 2003; Принципы порождающего процесса восприятия, 1992). В основе господствующего до сих пор способа лежит картезианская логика, согласно которой психика в качестве объекта исследования эксплицируется в апостериорной форме, то есть как эмпирическая фиксация некоего психического явления в ставшей своей форме — в виде продукта состоявшегося, свершившегося психического процесса. Именно этот способ выражен в знаменитом кредо Декарта: «мысль — следовательно, существую» (сначала частный продукт психического процесса в ставшей форме — «мысль», а затем вывод о более широкой реальности бытия — «существую»). Другой способ своими корнями восходит к аристотелевской логике, согласно которой психика существует в форме «бытия в возможности» и «бытия в действительности». Нетрудно понять, что психика в форме «бытия в действительности» — это и есть та форма психической реальности, которая фиксируется в нашем опыте и посредством опыта, то есть имеет картезианскую апостериорную логику полагания психики в качестве объекта исследования. Если же следовать аристотелевской логике, то психика существует не только в актуальной (проявленной) форме апостериорно эксплицированных психологических функций и свойств человека и не только в превращенной, опредмеченной (в свойствах окружающей среды) форме своего актуального и потому апостериорного существования, но и в априорной форме — форме «бытия в возможности».

Согласно третьей предпосылке психика обретает форму актуального существования, то есть переходит из «бытия в возможности» в «бытие в действительности», в процессе и посредством взаимодействия человека с окружающей средой. Иными

⁴ Обратим внимание, что гравитация тоже существует в форме «бытия в возможности», но проявляет себя (в форме «бытия в действительности») только во взаимодействии по крайней мере двух тел. Пока таких тел нет, мы не можем судить об отсутствии или наличии гравитации в данном пространстве-времени, но мы можем говорить о ее существовании в форме «бытия в возможности». По этой же логике наличие психических продуктов и их порождения в психике человека или их опредмеченных форм существования в свойствах окружающей среды (т. е. в форме «бытия в действительности») не может быть аргументом против предположения о существовании психики в потенциальной форме «бытия в возможности».

⁵ На самом деле их три. Опуская подробности, первые два, о которых в данном случае идет речь, можно условно обозначить как апостериорный и априорный способы, а третий — как конвенциональный, имеющий в своей основе договоренность о том, что в зависимости от способа рассуждения будем понимать под психикой то или иное (см.: Шуман, 2002).

словами, психика в этом случае предстает **как становящееся качество (свойство) системы «человек — окружающая среда»**, которое (поскольку оно системно) не сводится к актуальным свойствам ни «человека», ни «окружающей среды» как компонентов указанной системы, но обуславливается ими. Это означает, что становление психической реальности как качества этой системы происходит в функциональном диапазоне, пределы которого задаются актуальными свойствами ее компонентов, то есть человека и окружающей среды. Так, например, функциональный диапазон константности восприятия, восприятия движения и стабильности объектов и тому подобного задается свойствами зрительной системы человека, естественно сформировавшимися в его фило- и онтогенезе во взаимодействии с окружающей природной средой (Миракян, 1990; Миракян, Панов, 1995; Панов, 1998). В качестве других примеров, подтверждающих возможность такой логики рассуждений, приведем порождение и развитие высших психических функций и сознания человека посредством присвоения (интериоризации) индивидом культурно-исторических способов человеческой деятельности в социальной ситуации развития и посредством совместно-распределенной деятельности (Выготский, 1991; Давыдов 1996; Рубцов, 1996 и др.), в ситуации «встречи» и события (Слободчиков, 2001), а также изменение психологических свойств и качеств личности в рефлексивных ситуациях межличностного взаимодействия, создаваемых при групповых (активных) методах обучения, в психотренинговой практике и тому подобных ситуациях коммуникативного взаимодействия. В этом случае психика в качестве объекта исследования и практики предстает в виде продукта становления системы «человек — окружающая среда» как единого субъекта порождения актуальной формы проявления психической реальности.

В последней фразе сформулирована четвертая предпосылка, согласно которой необходимым условием обретения психикой актуальной формы существования («бытия в действительности») является субстанциональность системы «человек — окружающая среда», выражающаяся в ее способности быть онтологическим субъектом своего становления и проявляющаяся в том, что каждый компонент этой системы становится условием для развития другого и одновременно результатом этого развития.

Это возможно в том случае, если в качестве системообразующего принципа, объединяющего «человека» и «окружающую его среду» в единую становящуюся систему «человек — окружающая среда» выступает принцип анизотропного формопорождения, в котором объединены принцип образования анизотропных отношений и принцип формопорождения (самопорождения-самосохранения-саморазрушения форм бытия), обуславливающие, в частности, трансцендентальный подход к психологии восприятия и к изучению психики как особой формы бытия (Миракян, 1996, 1999, 2004; Панов, 1998; Принципы порождающего процесса восприятия), что является пятой предпосылкой наших рассуждений. Необходимым условием реализации принципов анизотропности и формопорождения во взаимодействии двух и более форм бытия является их единость (по Миракяну), содержащая их взаимное структурно-функциональное различие. В качестве иллюстративного примера анизотропности, порождающей новую форму физического бытия, можно привести возникновение искры (или молнии), порождаемое различием потенциалов в едином электрическом поле. Примером анизотропности как «единости, содержащей в себе

различие», порождающей психическую реальность, может служить структурная симметрия строения и одновременно функциональная асимметрия работы парных органов чувств у человека и других биологических видов живых существ. Но чтобы эта анизотропность могла реализовать себя как процесс порождения психической реальности в виде, например, пространственных ощущений, она должна принимать воздействие со стороны окружающей среды, причем это воздействие в свою очередь должно находиться в анизотропном соотношении с состоянием рецепторного поля, принимающего это воздействие.

Из этого вытекает вывод: эксплицировать психику в качестве предмета исследования и, соответственно, изучать ее в форме непосредственно данной психической реальности (образа, процесса, состояния и т.д.) невозможно, так как мы все время будем возобновлять картезианскую, вещную логику «продуктного» способа определения психики в качестве объекта и предмета исследования. Но мы можем сделать объектом исследования условия, необходимые и обеспечивающие возможность порождения действительной формы существования психики в виде той или иной психической реальности. Дело, как говорится, «за малым»: понять, на каких исходных основаниях и каким образом должна строиться логика исследования, предметом которого являются не сама «психическая реальность», а «условия, обеспечивающие возможность ее порождения в непосредственном психическом процессе (акте)». Как показывают ранее проведенные исследования А.И. Миракяна (1999, 2004), эти основания должны иметь трансцендентальный характер по отношению психической реальности, подлежащей исследованию. В качестве одного из таких оснований он предлагает рассматривать принцип анизотропности (образования анизотропного отношения). Наши исследования показывают, что необходимым условием для этого должно быть онтологическое определение психики — как природной формы бытия, обретающей актуальную (действительную) форму своего существования в процессе становления (формопорождения) системы «субъект психической реальности (например, человек) — окружающая среда», которая тем самым становится онтологическим субъектом формопорождения психической реальности как формы бытия и как предмета исследования психики.

Литература

- 2-я Российская конференция по экологической психологии (Москва, 12–14 апреля 2000 г.): тезисы. — М.: Психол. ин-т РАО — Экопсицентр РОСС, 2000.
- 2-я Российская конференция по экологической психологии (Москва, 12–14 апреля 2000 г.): материалы / под ред. В.И. Панова. М.; Самара: Изд-во МГППИ, 2001.
- 3-я Российская конференция по экологической психологии (Москва, 15–17 сентября 2003 г.): тезисы. М.: Психол. ин-т РАО, 2003.
- А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. материалов науч. конф. (30 ноября — 1 декабря 2010 г.) / под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. — М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.
- Барабанщиков В.А.* Системогенез чувственного восприятия / В.А. Барабанщиков. — М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.
- Выготский Л.С.* Педагогическая психология / Л.С. Выготский; под ред. В.В. Давыдова. — М.: Педагогика, 1991.

- Гостев А.А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов / А.А. Гостев. — М. : Институт психологии РАН, 2001.
- Давыдов В.В. Теория развивающего обучения / В.В. Давыдов. — М., 1996.
- Дворецкая М.Я. Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан Средневековья : дис. ... д-ра психол. наук / М.Я. Дворецкая. — М. ; СПб., 2006.
- Ланге Н.Н. Закон перцепции / Н.Н. Ланге. — Одесса, 1894.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. — М. : МГУ, 1972.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. — М. : Наука, 1984.
- Миракян А.И. Психология пространственного восприятия / А.И. Миракян. — Ереван : Айтастан, 1990.
- Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1 / А.И. Миракян. — М. : Издательство «Институт психологии РАН», 1999.
- Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 2 / А.И. Миракян. — М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2004.
- Миракян А.И. Восприятие скорости движения в процессе отражения формы объекта / А.И. Миракян, В.И. Панов // Вопросы психологии. — 1985. — № 1. — С. 148–154.
- Михайлов Ф.Т. Порождающий процесс восприятия / Ф.Т. Михайлов ; под ред. А.И. Миракяна // Вопросы психологии. — 1993. — № 11. — С. 181–183.
- Ошанин Д.А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии / Д.А. Ошанин // Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение. — М. : Наука, 1977. — С. 134–149.
- Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов / В.И. Панов // Вопросы психологии. — 1998. — № 2. — С. 82–107.
- Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В.И. Панов. — М. : Наука, 2004.
- Панов В.И. Введение в экологическую психологию: учеб. пособие / В.И. Панов. — 2-е изд. М. : Школьные технологии, 2006.
- Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: метаимплицативная модель / В.А. Петровский // Рефлексивные процессы и управление. — № 1. — Т. 7. — С. 58–88.
- Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. — М., 1992.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. — М., 1946.
- Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии / В.В. Рубцов. — М. ; Воронеж, 1996.
- Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд / Е.А. Сергиенко. — М. : Институт психологии РАН, 2006.
- Слободчиков В.И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования / В.И. Слободчиков // 2-я Российская конференция по экологической психологии : тезисы (Москва 12–14 апреля 2000 г.). М. : Экопсицентр РОСС, 2000. С. 172–176.
- Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе / Т.А. Флоренская. — М. : Владос, 2001.
- Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Г.В. Шукова. — М., 2000.
- Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. Пособие / В.Д. Шадриков. — М. : Логос, 1996.
- Шадриков В.Д. Духовные способности / В.Д. Шадриков. — М., 1998.

Раздел 1

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ВОСПРИЯТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕДМЕТНОГО ДЕЙСТВИЯ

Глава 1 ОБЩНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ И ФИЗИКИ ДВИЖЕНИЯ И ВРЕМЕНИ¹

Вышедшая в 2013 г. книга Р.М. Нагдяна написана на стыке психологии и философии физики. Она посвящена анализу старого вопроса об истинности наших знаний, о психологических возможностях и ограничениях их использования в качестве адекватного средства познания внешнего (физического) и внутреннего (психического) мира человека. Я не буду пересказывать и анализировать ее содержание — лучше ее вдумчиво прочитать, — а остановлюсь на тех причинах, которые, на мой взгляд, делают эту книгу актуальной и интересной для психологов, физиков и философов, склонных к рефлексии того, **что** они исследуют, **как** они исследуют и в какой **мере** познавательные возможности нашего мышления позволяют нам приблизиться к пониманию физической природы вещей и психической природы самого человека как познающего субъекта. И в этом контексте возникает вопрос: что же такого общего есть между психологией восприятия и физикой движения и времени, которое заставляет психологов «вторгаться» на территорию физических исследований природы вещей?

Соотношение психологии и физики как научных дисциплин носит исторически давний и в определенном смысле парадоксальный характер.

С одной стороны, начиная с эпохи Нового времени становление психологии как самостоятельной науки происходило и продолжает происходить под мощным влиянием физики как классического образца научного исследования: от научной логики исследовательского мышления до критериев достоверности экспериментальных результатов. В качестве иллюстрации приведу только два примера. Первый — это парадигмальный переход от классической психологии восприятия, построенной в контексте «атомарно»-ассоциативной логики классической (механистической) физики (Вундт, 1912; Сеченов, 1947; Титченер, 1914 и др.), к гештальтпсихологии восприятия, которая построена в контексте «полевых» динамических взаимодействий, привнесенных в психологию из теории относительности и квантовой механики (Wertheimer, 1925; Koffka, 1935 и др.). Второй пример мы наблюдаем сейчас, когда

¹ *Панов В.И.* Вступительная статья. Что общего между психологией и физикой? // Нагдян Р.М. Очерки метафизической психологии. Ереван : Наири, 2013. С. 10–33. — Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-06-00735а).

физика, точнее сказать — философия физики, на современном этапе ее развития переживает парадигмальное осмысление своих методологических позиций в направлении «классическая физика — неклассическая физика — постнеклассическая физика». И вслед за этим, как отражение рефлексивного анализа парадигмального развития классической и современной физики, появляется целый ряд методологических работ по психологии, анализирующих развитие психологии в том же направлении: классическая, неклассическая и постнеклассическая парадигмы в психологических исследованиях

С другой стороны, такие базовые для физики понятия и категории, как пространство, время, движение, скорость, взаимодействие и т. п., до сих пор относятся к числу психологических проблем, пока не имеющих общепринятого научно-психологического решения. Несмотря на тысячи исследований по психологии восприятия и две тысячи лет их истории, проблема психических механизмов, обеспечивающих порождение пространства, времени, движения и тому подобного в виде ощущений, образов, представлений, понятий, продолжает решаться на уровне феноменов восприятия и разного рода эмпирических данных, представляющих результативный, «продуктивный» уровень (срез) психических актов (Панов, 2004). Причиной этого является то, что в качестве исходных предпосылок используются, как правило, эмпирические данные о результатах (продуктах) свершившихся актов восприятия и физикальные (привнесенные из физики) представления об указанных свойствах и отношениях. Это было хорошо показано Миракяном и его сотрудниками на проблемах константности восприятия, восприятия формы, движения объектов и стабильности и других пространственных свойствах окружающего мира (Миракян, 1990, 1999, 2004; Миракян и современная психология восприятия, 2010; Миракян, Панов, 1995; Панов, 1998, 2004 и др.).

Так, в наших исследованиях зрительного восприятия движущихся и неподвижных объектов, проведенных под руководством Миракяна, показано, что восприятие скорости изучалось и продолжает изучаться либо исходя из физического ее понимания — как соотношения расстояния, пройденного движущимся объектом за определенный промежуток времени, либо опираясь на уже отраженные в акте непосредственно-чувственного восприятия ощущения пространственного положения движущегося объекта.

Определяющее влияние такого понимания при изучении восприятия движения обнаруживается уже в самих определениях восприятия движения как объекта исследования. В качестве примера приведем только два из них:

«Если два предмета изменяют относительно друг друга свое положение, то нам кажется, что движется тот из них, изображение которого на сетчатке перемещается, или для фиксации которого нам следует сделать следующее за ним движение глаза» (Вундт, 1912, с. 700–701). Как видим, в качестве системы отсчета, причем изначально неподвижной, Вундт использует пространство (рецепторное поле) сетчатки или же окружающее наблюдателя пространство, координатным центром которого является сам наблюдатель.

«Восприятие движения есть результат изменения воспринимаемого положения объектов» (Рок, 1980, с. 239).

Из приведенных определений видно, что под восприятием движения действительно понимается отражение только изменения пространственного положения вос-

принимаемого объекта относительно некоторой системы координат, что полностью соответствует физикальному, более того — механистическому, пониманию движения.

И действительно, несмотря на разнообразие теоретических представлений о восприятии движения, все они имеют общее исходное логическое основание — физическое представление о движении как пространственном перемещении объекта относительно некоторой системы отсчета, что приводит к абстрагированию от реальных условий протекания процесса восприятия движущегося объекта, в том числе и к абстрагированию этого процесса от происходящего в нем восприятия других сопредставленных свойств движущегося объекта: его формы, величины и т. п. (Панов, 1998).

А что думают по этому поводу физики?

Оказывается, физики сами затрудняются ответить на такие «простые» вопросы, как «Что такое движение, скорость и время?». Для подтверждения приведу краткий анализ исследования восприятия времени и скорости, которое было проведено Ж. Пиаже по просьбе А. Эйнштейна. Очень знаменательна аргументация этой просьбы: «во-первых, в силу того, что в физике связь этих понятий образует порочный круг (скорость определяется временем и пространством, а время измеряется только при помощи скорости), и, во-вторых, в силу того, что в классической механике время является более непосредственным и элементарным понятием, чем скорость, тогда как в теории относительности время зависит от скорости» (Пиаже, 1966, с. 10).

Аргументация знаменательна тем, что она показывает наличие неопределенности исходных понятий, используемых физиками для понимания даже таких «простых» и базовых для физического исследования явлений, как движение, скорость и время, когда одно из них взаимно определяется через другое. Однако если обратиться к психологическим исследованиям движения, скорости и времени, то мы обнаружим аналогичную понятийную неопределенность, когда одни перцептивные феномены объясняются через результаты отражения в непосредственно-чувственном процессе других аналогичных феноменов. Для примера представим логику восприятия «движения» в несколько упрощенном для наглядности виде. Так, классическое объяснение восприятия «движения объекта» строится на том, что объект восприятия изменяет свое «пространственное положение» относительно «пространственного положения» других объектов или самого наблюдателя (его глаза), то есть на основании результата восприятия «пространственного положения». Но чтобы было воспринято «пространственное положение» объекта, должна быть воспринята его «форма». И в то же время восприятие «формы» зависит от того, находится данный объект в движении или он неподвижен, а для этого должно быть воспринято «движение» (или «неподвижность») этого объекта. В результате мы вернулись к тому, с чего начали, — к восприятию «движения»: движется или неподвижен данный объект восприятия. Еще более неопределенным такой способ объяснения становится, если мы за исходные данные берем результат восприятия «пространственного положения» самого наблюдателя (его тела, глаз), потому что в естественных условиях даже в краткие промежутки времени (несколько десятков миллисекунд) глаз успевает совершить несколько видов микро- и даже макродвижений, да еще на фоне собственных движений тела наблюдателя (Барабанчиков, 1990; Белопольский, 2007; Притчард, 1974; Ярбус, 1965 и др.). Если же обратиться

к анализу исходных оснований изучения восприятия скорости, то и здесь мы увидим, что в качестве таковых традиционно выступают те же физические представления о движении, пространстве и времени, которые являются исходными и для изучения восприятия движения. Вследствие чего психологическое содержание непосредственно-чувственного процесса восприятия скорости явно или неявно подменяется абстрактно-логическим отношением пространственных характеристик движущегося объекта к временным условиям его восприятия (Миракян, Панов, 1985; Панов, 1998, 2004).

Аналогичный порочный логический круг образуют попытки объяснить восприятие движения на основе как бы уже воспринятой неподвижности пространственного положения наблюдателя (сетчатки его глаза), а затем объяснить восприятие неподвижности фона, относительно которого движется прослеживаемый наблюдателем объект (изображение объекта на сетчатке предполагается неподвижным, а изображение фона — движущимся), на основе как бы уже воспринятого движения этого прослеживаемого объекта (там же).

Для иллюстрации этих рассуждений вернемся к исследованию, проведенному Ж. Пиаже (1966). Приняв предложение Эйнштейна и проведя исследования формирования понятий и восприятия времени и скорости, Пиаже пришел к двум выводам: «1) Существует первичная интуиция скорости, которая не зависит от длительности (но, естественно, зависит от порядка пространственной или временной последовательности): это интуиция “обгона”, выражающаяся в том, что тело А воспринимается движущимся быстрее, чем В, если вначале оно было сзади и затем оказалось впереди его; это чисто порядковое понятие сохраняется до 8–9 лет, и его достаточно для объяснения всех известных перцептивных явлений (при подвижном и неподвижном взгляде). 2) Формирование восприятий и понятий длительности, наоборот, предполагает всегда отношение к скорости (скорость-движение, скорость-частота, ритм и т. д.) в том, что касается прожитого времени, как такового времени, которое оценивается через посредство внешних явлений» (там же, с. 10–11).

Как видим, в отличие от сетчаточно-моторного и феноменологического подходов², построенных на физикальных представлениях о движении, скорости, времени и т. п., Пиаже рассматривает скорость (движение) более первичным, чувственно более ранним перцептивным образованием, чем длительность (время), что уже не дает возможности объяснить восприятие движения как отражения изменения положения воспринимаемого объекта в уже отраженных пространстве и времени. Согласно Пиаже, в основе первичной интуиции скорости лежит чисто порядковое отношение, содержащее по крайней мере две операции: 1) восприятие того, что вначале тело А было сзади тела В, и 2) восприятие того, что затем тело А оказалось впереди тела В.

С нашей точки зрения, существенным здесь является то, что каждая из этих операций уже включает в себя как данность следующие продукты восприятия: восприятие самого «тела А», восприятие самого «тела В», восприятие «пространственной локализации» того и другого, а также восприятие «пространственного отношения»

² Подробный методологический анализ парадигмальных отличий основных теорий восприятия движущегося объекта и в то же время общности этих оснований (см.: Панов, 1996, 1998, 2004).

между ними: «сзади», «спереди». Непосредственно-чувственной основой этих продуктов являются, по Ж. Пиаже (1978), первичные эффекты поля и последующие их операциональные преобразования («встречи», «купляжи» и т. п. эффекты).

Аналогичный отказ от использования механистического понимания движения в качестве исходного основания при изучении восприятия движения объектов и переход на «операциональное» представление процесса восприятия движения можно увидеть в подходах, предлагаемых и другими современными исследователями.

Так, Дж. Гибсон (1988, с. 42) совершенно справедливо утверждает, что движение как объект восприятия — это не то движение, которое изучается в механистической физике: «Движение предметов в окружающем мире представляет собой явление совершенно иного порядка, нежели движение тел в пространстве... Движение в окружающем мире в действительности столь существенно отличается от движения, которое изучал Исаак Ньютон, что лучше представлять его себе в виде изменений структуры, а не как изменение положения точек; в виде изменений в компоновке, а не как движение в обычном смысле слова».

В своем понимании движения как объекта восприятия Гибсон отмечает, что прерывистость воздействия стробоскопического источника на сетчатку глаза оказывается несущественной, если и при стробоскопическом и при действительном движении объекта порядок его воздействия одинаков, например «лево–право», «до–после». На основании этого тезиса он делает вывод, что стимулом для восприятия движения может выступать упорядоченность воздействия на сетчатку, а не собственно «движение» объекта. Нетрудно заметить, что здесь мы имеем дело с вариантом той же логики абстрактно-логического расчленения движения объекта на отдельные его пространственные позиции (локализации), которая лежит в основе эпистемологического подхода Пиаже, но спроецированной на сетчатку глаза. С той же целью — уйти от механистического объяснения восприятия движения и пространственного положения — Гибсон использует в качестве субъективной системы отсчета «край поля зрения», как это делал задолго до него Э. Мах (1908). Однако нетрудно понять, что саму логику рассуждений это не меняет, потому что остается вопрос: каким образом воспринимается «движение» и «неподвижность» самого «края поля зрения».

Для объяснения восприятия пространственных свойств окружающей среды Гибсон активно использует введенное им понятие светового потока (в некоторых переводах — «светового строя»). Световой поток, по-разному объемля и отражаясь в среде, характеризуется такой бесконечной вариативностью, в которой, тем не менее, любому фрагменту окружающего мира соответствует тот или иной инвариант.

Постулирование априорного наличия такого инварианта — это то, что Миракян (1990) обозначил как постулирование «имплицитной самости» объекта. Только в классических теориях восприятия в роли этой самости рассматривались физические свойства объектов (форма, движение) или их феноменологические отношения (фигура–фон), а Гибсон в качестве таковой предопределяет указанный инвариант, оставляя открытым вопрос, посредством какого перцептивного механизма осуществляется первичное порождение существования этого инварианта.

Существенно также отметить, что «Гибсон называл свою теорию “прямой”, “непосредственной”, подчеркивая тем самым, что главная задача заключается

в установлении прямой, непосредственной связи между образами и инвариантами-стимулами. Никакого промежуточного процесса (нервного или психического), опосредствующего эту связь, с точки зрения Гибсона, нет» (Логвиненко, 1988, с. 11).

Методологическая невозможность представить и осмыслить реальное движение характерным для человеческого мышления дискурсивным способом — через понятийную дискретизацию движения на отдельные его пространственно-фиксированные моменты (локализации) — была продемонстрирована еще в античной философии Зеноном (Фрагменты ранних греческих философов, 1989).

Известны четыре аргумента, которые называются апориями Зенона и которые логически доказывают невозможность движения, несмотря на то, что оно есть. Один из них, «Стрела», излагается (по Симпликию) следующим образом: «Летающая стрела покоится в полете, коль скоро все по необходимости либо движется, либо покоится, а движущееся всегда занимает равное себе пространство. Между тем то, что занимает равное себе пространство, не движется. Следовательно, оно покоится» (там же, с. 310).

Нетрудно заметить, что в качестве логического основания для построения своей апории (т.е. логического противоречия) Зенон использует по сути те же продукты непосредственно-чувственного восприятия, о которых говорилось выше при анализе исходных оснований традиционных теорий восприятия движения. Действительно, фраза «все по необходимости либо движется, либо покоится» говорит о том, что Зенон изначально постулирует данность «движения» (следовательно, уже воспринятого) и данность «неподвижности» (тоже уже воспринятой) как имплицитную самость «всего». При этом именно как имплицитная самость (т.е. понятийная данность (Миракян, 1990, 1999, 2004)) свойства «движение» и «неподвижность» обособлены друг от друга и даже противопоставлены друг другу: «либо движется, либо покоится».

Более того, они абстрагированы не только друг от друга, но и от других пространственных свойств объектов, составляющих «все», так как «движение» и «покой» соотносятся только друг с другом и безотносительно к другим пространственным свойствам объектов, составляющих «все». Это подтверждается следующим выражением: «движущееся всегда занимает равное себе пространство», которое означает, что Зенон постулировал данность «формы» движущихся объектов как **то**, что определенно заполняет пространство. «Форма» здесь выступает в роли еще одного продукта уже свершившегося восприятия, абстрагированного от своего непосредственно-чувственного процесса и от отражения в этом процессе других свойств объектов, в частности их «движения». Из того же выражения следует, что «форма» отождествляется с «пространством», которое занимает объект, и, значит, «пространство» постулируется тоже как данность продукта уже свершившегося процесса его восприятия, опять же обособленного от других результатов восприятия и абстрактно-логически противопоставленного им, в частности «движению» и «форме» движущегося объекта.

Таким образом, видно, что способ построения Зеноном апории «Стрела» тот же, что и способ построения предмета исследования процесса восприятия движения объектов нашими современниками, а именно: абстрактно-логическое («продуктное»)

представление о движении как обособленном свойстве объекта, которое логически противопоставляется другим сопредставленным и также мысленно обособленным его пространственным свойствам и которое неререфлексивно переносится на непосредственно-чувственный процесс зрительного восприятия движущегося объекта.

В другой формулировке (в изложении Филопона) апория «Стрела» звучит еще более «продуктно»: «Все, говорит он (Зенон. — *В.П.*), что находится в равном самому себе пространстве, либо покоится, либо движется, однако двигаться в равном самому себе пространстве невозможно, следовательно, оно покоится. Стало быть, летящая стрела, находясь в каждый из моментов ("теперь") времени, в течение которого она движется, в равном себе пространстве, будет покоиться. Но раз она покоится во все моменты ("теперь") времени, число которых бесконечно, то она будет покоиться и в течение всего времени. Однако, согласно исходной посылке, она движется. Следовательно, движущаяся стрела будет покоиться» (там же, с. 310). Эта формулировка апории интересна тем, что определение стрелы в «каждый из моментов ("теперь") времени» есть не что иное, как ее локализация в пространстве с помощью локализации во времени, то есть по сути то же, что делают представители операциональной парадигмы, когда они постулируют «пространственную локализацию» объекта в качестве эмпирического основания для объяснения восприятия движения.

Апории Зенона ясно показывают, что, в отличие от исследователей восприятия движения в классической и современной психологии, этот древний философ отчетливо понимал свойство человеческого ума отождествлять, выражаясь нашими терминами, опосредованно-мыслительный и непосредственно-чувственный уровни психического отражения и откровенно использовал это для построения своих логических парадоксов.

Почему же это происходит?

* * *

Дело в том, как показывает А.И. Миракян (1999, 2004), что глубинной основой, психологической предпосылкой и необходимым условием формирования мышления, в том числе и исследовательского, выступают практические (эмпирические) действия человека с вещными (предметными) свойствами и отношениями окружающего мира. Поэтому, во-первых, психические процессы предстают перед нами не в непосредственной своей данности, а, как уже говорилось, в виде своих результатов (продуктов) продуктных, которые в данном случае предстают как феномены восприятия. Причем эти процессы предстают перед нами опять же не в своей непосредственной форме своего осуществления, а в опредмеченном виде — то есть через их предметное содержание, обусловленное эмпирическим характером взаимодействия человека с окружающим миром. Это означает, что действительным предметом исследования для нас выступает не процесс восприятия в его «чистом виде» (вспомним в физике понятие «идеальный газ»), а как процесс восприятия именно «формы», процесс восприятия именно «движения» или других «пространственных свойств и отношений». Следовательно, когда мы пытаемся в качестве предмета исследования представить процессуальную сторону психического, то эта процессуальность психического поневоле предстает перед нами, образно выражаясь, сквозь призму эмпиричности и предметной опосредованности самого способа исследовательского

мышления, то есть исходя из продуктивной (результативной) стороны психики, а не из ее собственной процессуальности.

И здесь мы сталкиваемся с еще одним наивным вопросом: а что такое процессуальность, процесс, то есть изменение чего-то во времени?

* * *

Логика³ полагания «процессуальности» психического в качестве предмета исследования строится, как известно, на понятиях (категориях) пространства и времени. Однако по тем же причинам наше (человеческое) мышление осмысливает такие явления, как «изменение», «время», «динамичность», «процесс», «процессуальность», представляя и описывая их с помощью пространственных представлений, понятий и отношений, то есть опосредствуя «время» и его «изменение» **пространственными представлениями и отношениями**. Вспомним тот же метод срезов, декартову систему координат (возможны и другие аргументы). Если проделать мыслительный эксперимент, то обнаруживается, что мышление может осмысливать «время» только в форме «пространственных отношений». Иначе говоря, мышление описывает «время» опять же не в непосредственной его данности (реальности), а опосредствуя (и, значит, подменяя) его пространственными представлениями и отношениями. Это означает, что в силу данной особенности мышления мы определяем «процесс» и «развитие» психики в пространственно-опосредованной форме.

Но пространственность окружающего мира суть тоже продукт психического отражения, причем в разных формах его опосредования. В частности, в психологических исследованиях (в других, кстати, тоже) «пространство» как исходная категория научно-психологического исследовательского мышления имеет разный смысл, разный характер (Панов, 2004). Так, в рамках классической психологии (структурализм В. Вундта и др.) постулируется абсолютный характер пространства (т. е. независимость его свойств от объектов, его заполняющих), в гештальтпсихологии постулируется относительный характер пространства (т. е. зависимость его свойств от объектов, его заполняющих), в экологическом подходе Дж. Гибсона (1988) постулируется непосредственная данность окружающего пространства как среды обитания (т. е. зависимость его воспринимаемых свойств от способа жизнедеятельности субъекта восприятия), в концепции оперативности психического отражения Д.А. Ошанина (1998) пространственность объекта восприятия непосредственным образом зависит от предметного действия, в рамках которого осуществляется акт восприятия данного объекта (функциональная деформация пространственных свойств объекта восприятия), в трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна (Миракян, 1999, 2004; А.И. Миракян и современная психология восприятия, 2010) пространственность окружающего мира порождается в непосредственном акте восприятия и обусловлена не только задачей действия, но и структурно-процессуальной анизотропностью самой отражательной системы, вследствие чего необходимым условием и принципом порождения пространственности является анизотропное искажение принимаемых воздействий. В итоге становится понятно, что «процессуальность» психического как объект и предмет исследования непосредственным образом зависит от того, какой смысл вкладывает

³ Прошу прощения за повтор (см. парадокс 6 во вводной главе).

исследователь (его мышление) в понятие пространственности окружающего мира и в конечном счете в понятие пространства как категории исследовательского мышления (Панов, 2004).

В самом общем виде и под условными названиями⁴ целесообразно выделить по крайней мере три такие парадигмы понимания времени как объекта исследования.

Практическая парадигма, когда мышление человека не отягощено рассуждениями и рефлексией того, что есть пространство и время как реальности, требующие восприятия, осмысления и познания. Человек, как субъект-наблюдатель, не выделяет себя из окружающего мира и событий, в нем происходящих, поскольку он еще не наблюдает событий, не живет в них, а живет ими, проживает их. Поэтому для такого человека-субъекта «время» как объект восприятия и познания не существует, потому что он не субъект познания, а субъект действия (жизнедействия). Или, другими словами — в аристотелевских понятиях, — реализация его энтелехии (спонтанной действительности) ограничена его биологической сущностью. Бытие времени и человек как субъект бытия времени онтологически (в своем собственном бытии) совпадают друг с другом и потому в познавательном (гносеологическом) смысле не существуют.

Физикально-абсолютная парадигма мышления, когда пространство и время мыслятся как самостоятельные и даже обособленные друг от друга реальности окружающего мира. Эти реальности представляются (осмысливаются) человеком как своеобразные абсолютные вместилища, в которых (а) находятся тела (живые и неживые объекты разного масштаба) и, соответственно, происходят те или иные события и (б) свойства которых не зависят от свойств объектов (событий), их заполняющих, а также и от свойств субъекта-наблюдателя. В качестве эмпирического основания для выделения пространства и времени в качестве объекта познания выступают непосредственно-чувственные данные, подтверждаемые непосредственно практической (предметной) деятельностью человека и абстрагированные от реального процесса их восприятия и тем самым от самого наблюдателя. Например, согласно непосредственным данным зрительного восприятия, Земля относительно Солнца неподвижна и имеет плоскую поверхность, но Солнце, звезды и Луна движутся относительно поверхности Земли (и, естественно, наблюдателя, находящегося на ней). Субъект-наблюдатель неподвижен. Пространство и время прямолинейны⁵. В предельной форме этот способ мышления (парадигма мышления, если хотите) нашел свое выражение: в античной философии — в апориях Зенона, в математике — в геометрии Евклида, в античной астрономии — в геоцентрической системе мироздания (Птолемей), в физике — в классической (механистической) физике (Ньютон, Галилей), в астрономии Нового времени — в гелиоцентрической системе мироздания, в философии Нового времени и позже — от «правил для ума» Декарта до постулирования Кантом пространства и времени в качестве априорных

⁴ «Условные» — потому что в истории философии и методологии аналогичные этапы человеческого мышления носят разные названия.

⁵ Вследствие ограниченного объема текста и чтобы не усложнять цепочку наших рассуждений, я опускаю античные и древневосточные учения о «колесе времени», поскольку они требуют более подробного и специального анализа.

категорий нашего мышления, наконец, в психологии — в классических теориях восприятия пространства, времени и движения (Вундт, 1912; Сеченов, 1947; Helmholtz, 1896; Hering, 1879 и др.) и их современных вариациях (Грегори, 1963; Рок и др.), а также в психофизике. Бытие времени здесь абстрагировано от бытия пространства и от реального бытия субъекта-наблюдателя и не зависит от последнего.

Физикально-относительная парадигма (способ мышления), когда пространство и время представляются как реальности, которые физически (в данном случае — объективно) не существуют раздельно друг от друга, а, напротив, образуют своеобразную взаимосвязанную «непрерывность» (континуум). Причем пространственно-временные свойства этого континуума существенным образом зависят от пространственно-временных, гравитационных, динамических и тому подобных свойств заполняющих их объектов и (!) от скорости движения субъекта-наблюдателя. Бытие времени рассматривается как четвертая координата единого пространства-времени (Минковский, 1935). В микро- и мегамасштабах пространство-время бытия характеризуется криволинейностью, в пределе доходящей до спиралевидности. В дополнение к линейным взаимодействиям (предмет и исходная предпосылка классической физики) приходит представление о полевых взаимодействиях. Этот способ мышления нашел свое яркое выражение в теории относительности Эйнштейна и других вариантах неклассической физики. Принципиально, что именно здесь открылась ограниченность человеческого восприятия и мышления для познания пространственно-временных свойств бытия. Появляется осознание зависимости познания пространственно-временных свойств бытия от масштаба пространственно-временных характеристик бытия самого субъекта-наблюдателя и вышеуказанной дискурсивной ограниченности человеческого мышления. Противоречие между указанной ограниченностью парадигмального мышления и бесконечной континуальностью свойств физической реальности как объекта исследования привело, как известно, к появлению разного рода физических парадоксов и таких принципов, как принципы неопределенности, дополнительности и эффекта наблюдения (Гейзенберг, 2004; Бор, 1961 и др.).

Однако, возвращаясь к психологии, именно этот способ мышления послужил парадигмальным основанием для концептуализации перцептивных феноменов в качестве эмпирических оснований гештальтпсихологии и оформления ее в самостоятельное направление в психологии (Осгуд, 1975; Koffka, 1936; Wertheimer, 1925 и др.). Частично и в определенном смысле этот же способ мышления нашел свое проявление в экологическом подходе к восприятию Дж. Гибсона (1988) — принципы инвариантности и экологической валидности.

Для деятельностной парадигмы (способа мышления) основополагающим становится принцип обусловленности психических актов деятельностью субъекта, что применительно к восприятию в наиболее развитой форме было разработано в понятиях перцептивного действия (Леонтьев, 1972; Величковский, 1982; Зинченко, Вергилес, 1969 и др.) и оперативного образа (Ошанин, 1998). А в другой ипостаси этой парадигмы в качестве исходного принимается принцип субъектности, что послужило основанием для выделения субъектно-деятельностного направления реализации деятельностного подхода (Рубинштейн, 2003; Абульханова-Славская, 1973; Брушлинский, 1994; и др.). В этой логике «время бытия субъекта» становится продуктом становления системы «бытие — человек», которая в нашем случае конкретизируется

в виде системы «бытие времени (пространства-времени) — бытие субъекта отражения времени (как носителя активности, деятельности, личностных, перцептивных и иных психологических свойств)».

Несмотря на явные различия перечисленных парадигм понимания и изучения времени как предмета психического отражения, их все (за исключением первой) объединяет изначальная отягощенность (опосредованность) физикальными представлениями и понятиями о времени, пространстве, движении, скорости, которые по сути являются различными продуктами психического отражения объективного пространства-времени реального бытия, абстрагированных от непосредственного процесса восприятия и условий его осуществления (Миракян, Панов, 1985; Панов, 1998). И это понятно, потому что объективность указанных понятий пространства и времени подтверждалась физикой и математикой, как образцами и вершинами естественно-научного мышления. Однако, как было сказано выше, даже сами физики на методологическом уровне сталкиваются с неопределенностью этих понятий, о чем свидетельствует вышеприведенная просьба А. Эйнштейна к Ж. Пиаже специально исследовать психологическое формирование понятий и восприятий времени и скорости.

В чем же причина вышеприведенных методологических проблем?

Дело в том, что в научной психологии мы изучаем не психику как таковую, а именно разнообразные ее проявления (частичные феномены), в которые она «облачена» в зависимости от способа полагания, то есть мышления (как модница облачает себя всякий раз в разные одежды). И в зависимости от особенностей исследовательского мышления мы будем фиксировать психику (в качестве объекта и предмета исследования) «облаченной в одежду» тех или иных своих феноменальных проявлений, но не собственно психику как таковую, которая, проявляясь в каждом из своих феноменов, тем не менее, не сводится ни к одному из них (Панов, 2011).

Более того, человеческий способ мышления, с одной стороны, всегда ограничен теми эмпирическими данными человеческого восприятия, на которых построены понятия и логика этого мышления. Замена одних эмпирических данных, используемых в качестве исходных предпосылок способа мышления, на другие эмпирические данные приводит, как известно, к изменению и способа мышления, и картины мира, воссоздаваемой с помощью данного способа мышления. Для примера достаточно вспомнить Лобачевский *versus* Евклид, Эйнштейн *versus* Ньютон и т.д. С другой стороны, для человеческого мышления характерна такая дискретность отображения физического или психического миров в представлениях и понятиях, которая вследствие абстрагированности от отображаемой в них реальности приводит к противоречивым суждениям.

Но в методологическом плане в той же ситуации находится и физика. В зависимости от того, какой способ мышления выбирается (формируется, если хотите), — те виды физической реальности и те их фундаментальные и частные закономерности будут открываться исследователю. Изменение способа мышления (парадигмы, если хотите) меняет и вид исследуемой физической реальности и устанавливаемые исследователем ее законы. Причем, как и в случае с психикой, собственно объективная

физическая реальность богаче любых своих отдельных феноменов и закономерностей и не сводится к ним.

Существуют по крайней мере две наиболее общие парадигмы и, соответственно, два способа⁶ полагания психики в качестве объекта исследования (Миракян и современная психология восприятия, 2010; Миракян, 1975; 1999, 2004; Панов, 1998, 2004). В основе господствующего до сих пор способа лежит картезианская логика. Согласно этой логике, психика в качестве объекта исследования эксплицируется в апостериорной форме, то есть как эмпирическая фиксация некоего психического явления в ставшей своей форме — в виде продукта состоявшегося, свершившегося психического процесса. Именно этот способ выражен в знаменитом кредо Декарта: «мыслию — следовательно существую» (сначала частный продукт психического процесса в ставшей форме — «мыслию», а затем вывод о более широкой реальности бытия — «существую»). Другой способ своими корнями восходит к аристотелевской логике, согласно которой психика существует в двух формах бытия: «бытия в возможности» и «бытия в действительности». Нетрудно понять, что психика в форме «бытия в действительности» — это и есть та форма психической реальности, которая фиксируется в нашем опыте и посредством опыта и потому соответствует картезианской, апостериорной логике полагания психики в качестве объекта исследования. Если же следовать аристотелевской логике, то психика существует не только в актуальной (проявленной) форме апостериорно эксплицированных психологических функций и свойств человека и не только в превращенной, опредмеченной (в свойствах окружающей среды) форме своего актуального и потому апостериорного (действительного) существования, но и в априорной форме — в форме «бытия в возможности».

Это возможно в том случае, если в качестве системообразующего принципа, объединяющего «человека» и «окружающую его среду» в единую становящуюся систему «человек — окружающая среда», выступает принцип анизотропного формопорождения, в котором объединены принцип образования анизотропных отношений и принцип формопорождения (самопорождения—самосохранения—саморазрушения форм бытия), обуславливающие, в частности, трансцендентальный подход к психологии восприятия и к изучению психики как особой формы бытия (там же), что является пятой предпосылкой наших рассуждений. Необходимым условием реализации принципов анизотропности и формопорождения во взаимодействии двух и более форм бытия является их единость, содержащая их взаимное структурно-функциональное различие. В качестве иллюстративного примера анизотропности, порождающей новую форму физического бытия, можно привести возникновение искры (или молнии), порождаемое различием потенциалов в едином электрическом поле. Примером анизотропности как «единости, содержащей в себе различие», порождающей психическую реальность, может служить структурная симметрия строения и одновременно функциональная асимметрия работы парных органов чувств у человека и других биологических видов живых существ. Но чтобы эта анизотропность могла реализовать себя как процесс порождения психической

⁶ На самом деле их три. Опуская подробности, первые два, о которых в данном случае идет речь, можно условно обозначить как апостериорный и априорный способы, а третий — как конвенциональный, имеющий в своей основе договоренность о том, что будем понимать под психикой как объектом изучения (см.: Шуман, 2002).

реальности в виде, например, пространственных ощущений, она должна принимать воздействие со стороны окружающей среды, причем это воздействие в свою очередь должно находиться в анизотропном соотношении с состоянием рецепторного поля, принимающего это воздействие.

В итоге можно сказать, что идея, необходимость и научная значимость книги Р.М. Нагдяна «Очерки метафизической психологии (2013)» обусловлены методологически-анизотропным отношением между психологией и физикой, складывающимся в контексте общности их методологических поисков на современном этапе научного мышления.

Выводы к главе 1

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Психика как явление, подлежащее исследованию, всегда предстает перед исследователем в виде феноменологической данности (реакций, ощущений, образа, процессов, состояний, поведения и др. психических феноменов), т.е. со стороны продукта уже свершившегося или осуществляющегося психического акта. Поэтому эксплицировать собственно психику в качестве предмета исследования и, соответственно, изучать ее в форме непосредственно данной психической реальности (образа, процесса, состояния и т.д.) невозможно. По той причине, что наш способ мышления при таком подходе будет ограничен рамками гносеологической парадигмы, каждый раз возобновляя картезианскую, вещную логику «продуктного» способа определения психики в качестве объекта и предмета исследования. Но мы можем сделать объектом исследования условия, необходимые и обеспечивающие возможность порождения действительной формы существования психики в виде той или иной психической реальности, т.е. перейти в онтологическую парадигму исследования. Дело, как говорится, «за малым»: понять, на каких исходных основаниях и каким образом должна строиться логика исследования, предметом которого является не сама «психическая реальность», а «условия», обеспечивающие возможность ее порождения в непосредственном психическом процессе (акте). Как показывают ранее проведенные исследования А.И. Миракяна (1999, 2004), эти основания должны иметь трансцендентальный характер по отношению к психической реальности, подлежащей исследованию. В качестве одного из таких оснований он предлагает рассматривать принцип анизотропности (образования анизотропного отношения). Наши исследования (Панов, 1996, 1998, 2004) показывают, что необходимым условием для этого должно быть онтологическое определение психики — как природной формы бытия, обретающей актуальную (действительную) форму своего существования в процессе становления (формопорождения) системы «субъект психической реальности (например, человек) — окружающая среда», которая тем самым становится онтологическим субъектом формопорождения психической реальности как формы бытия и как предмета исследования психики.

Но перед этим, осуществляя методологический анализ постановки и изучения проблем восприятия, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью определить свое «парадигмальное» отношение к деятельностному подходу, что обусловлено, по крайней мере, следующими причинами.

Во-первых, наибольшее число исследований восприятия проведено в нашей стране в рамках деятельностного подхода. Во-вторых, исследования оперативного образа под руководством Д.А. Ошанина показали, что пространственные характеристики одного и того же «объекта восприятия» могут восприниматься в предметном действии с ним *по-разному* — в зависимости от задачи данного действия и условий его выполнения. Оказывается, что необходимым условием успешности предметного действия является функциональное искажение (деформация) пространственных свойств и отношений «объекта восприятия», выступающего предметом данного действия. В-третьих, начиная с работ Дж. Гибсона по «экологической оптике», стало происходить своеобразное концептуальное размывание таких базовых для психологии восприятия концептов, как «объект восприятия» и «перцептивный образ», а также к использованию в качестве исходной предпосылки изучения восприятия отношения «субъект жизнедеятельности — среда обитания» вместо гносеологически обусловленного отношения «субъективный (перцептивный) образ — объект восприятия». Остановимся на этом немного подробнее.

Глава 2 **ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ
А.Н. ЛЕОНТЬЕВА, Д.А. ОШАНИНА И ДЖ. ГИБСОНА:
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ПОНИМАНИЯ ОБЪЕКТА ВОСПРИЯТИЯ И ЕГО ОБРАЗА**

**2.1. Парадигмальная интерпретация понимания образа в трудах
А.Н. Леонтьева и Д.А. Ошанина: гносеологический и онтологический
аспекты¹**

В последние десятилетия проблема образа и психического отражения как бы потеряла свою актуальность для российских психологов и сместилась из центра психологических дискуссий на периферию психологических исследований. Между тем в 60–70-е годы прошлого столетия без проблемы психического образа и процессуальных механизмов его порождения психология как наука не мыслилась. И это естественно, потому что на протяжении более чем ста лет именно эта проблема выступала своеобразным «пробным камнем» для проверки жизнеспособности и адекватности большинства психологических теорий.

Чтобы не перегружать текст, позволю напомнить лишь основные этапы эволюции проблемы образа.

В самом общем виде понятием «образ» обозначают, как известно, результат отражения объекта (или объективной действительности) в сознании человека. Под «отражением» при этом чаще всего полагают познавательные (перцептивные, мнемические и интеллектуальные) процессы психического отражения.

Одно из важнейших перцептивных представлений об образе — это понятие о сетчаточном (ретинальном) образе. На этом представлении в совокупности с представлением о моторном (мышечном) ощущении собственных движений наблюдателя (глаза, головы, всего тела) построены такие фундаментальные проблемы, как восприятие пространственных и динамических свойств объекта, а также константность восприятия этих свойств. Логика построения проблем восприятия на основе постулирования сетчаточно-моторного (сетчаточно-мышечного) образа объекта уходит своими корнями в работы Декарта, хотя собственно психологическое оформление получила в работах Гельмгольца, Вундта, Сеченова, Маха, Титченера, Шеррингтона и многих других представителей классической и в некоторых случаях современной психологии и физиологии зрения.

Несмотря на различия во взглядах, общим для этих исследователей, согласно проведенному А.И. Миракьяном (1999, 2004) анализу, является то, что исходным методологическим основанием для них выступает логическая триада: «объект — сетчатка глаза — образ», которая в развернутом виде предстает как «данность пространственных характеристик объекта — данность его (их) отображения на рецепторном

¹ По материалам публикации: *Панов В.И.* А.Н. Леонтьев и Д.А. Ошанин: гносеологический и онтологический подходы к проблеме образа // Д.А. Ошанин и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д.А. Ошанина / под ред. В.И. Панова и Н.Л. Мориной. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008. С. 104–113.

поле (например, сетчатки) или в траектории прослеживающего («ощупывающего») движения наблюдателя — данность перцептивного образа этого объекта».

Гештальтпсихологи изменили компонентный состав этой триады, постулировав изоморфное соответствие между структурами физического поля, поля мозговых структур и феноменального поля восприятия, но оставив при этом исходную данность указанных компонентов.

Понятно, что самым интересным в проблеме перцептивного образа является проблема процессуальных закономерностей и механизмов его формирования. Эта проблема в той же логике решается посредством эмпирической фиксации процессуальных стадий (срезов) и операциональной динамики, которая характеризует последовательное преобразование физических параметров объекта в направлении от «объекта» к его «образу» на сетчатке глаза (если речь идет о зрительном восприятии) и далее в перцептивном образе, представлении и даже понятии. В этом русле работали такие психологи, как Н.Н. Ланге, Л.М. Веккер, Б.Ф. Ломов и др.

Несколько иное направление проблеме формирования образа было дано представителями «деятельностного подхода» в психологии восприятия. Работами А.Н. Леонтьева и его сотрудников, с одной стороны, был подтвержден принцип требуемого соответствия в виде *принципа уподобления*, а с другой стороны, смысловая значимость объекта восприятия для воспринимающего их деятельностного субъекта привела к необходимости подчеркнуть такую особенность восприятия, как его *пристрастность* и обусловленную ею искаженность свойств объекта восприятия, отраженных в образе. Здесь же были введены понятия «перцептивного действия», «чувственной и биомеханической ткани», «формообразования» и «порождения образа». Но осталась исходная данность (точнее — заданность) объектных свойств как «прообраза» того, что *должно* быть отражено в образе.

И это не случайно, потому что деятельностный подход к восприятию, как другие перечисленные выше, строились в рамках господствующей тогда (да и ныне тоже) *гносеологической парадигмы* полагания объекта и предмета изучения в исследованиях восприятия (Миракян, 1999, 2004). Отличительной чертой этой парадигмы является то, что исходным, методологическим основанием для определения логики и предмета исследования выступают:

- гносеологическое отношение «субъект–объект» в качестве исходной предпосылки для определения объекта и предмета исследования;
- заданность пространственных и иных свойств объекта восприятия («имплицитная самость» свойств объекта);
- принцип (логическое требование) адекватности, то есть соответствия отражаемых в перцептивном образе свойств объекта его объективным, гносеологически заданным свойствам.

Согласно данному принципу, если в процессе восприятия обнаруживалось искажение и нарушение отражаемых свойств объекта, то эти данные рассматривались как ошибочные и потому требующие коррекции (Миракян, 1999). И поэтому в логике деятельностного подхода к восприятию (т.е. гносеологической парадигмы) естественно было вслед за Р. Декартом и И.М. Сеченовым ввести «принцип уподобления», который А.Н. Леонтьев постулировал как процессуальный принцип формирования психического образа. Обобщая позицию А.Н. Леонтьева, С.В. Маланов (2006, с. 106) озвучивает этот принцип следующим образом: «В действиях

на основе ориентировочных операций порождается и развивается образ окружающего мира путем активного «уподобления» движения органов чувств предметному окружению. По мере формирования образа мира, в свою очередь начинает предопределять протекание действий и ориентировать их в процессе реализации»².

Итак, по А.Н. Леонтьеву, формирование образа требует от органов чувств таких его движений (моторики, идеомоторики), которые следуют за «контуром» воспринимаемого объекта. Владимир Петрович Зинченко здесь сказал бы, что это «живое движение», но, следуя принципу уподобления, я бы добавил — живое движение по контуру объекта восприятия.

Речь, конечно же, не идет о точном до копии воспроизведении контура (формы) воспринимаемого объекта. Иллюстративно, по аналогии здесь ближе ощупывание объекта с помощью зонда, как пример — это слепой, ощупывающий палкой границу тротуара.

Более того, в данном случае нам и не важно, с какой степенью точности воспроизводится при уподоблении контур воспринимаемого объекта. Можно даже принять принцип уподобления *не механистически* — как указание на механизм и траекторию перцептивного движения, а *метафорически* — как некое общее направление исследовательского размышления о проблеме образа.

В данном случае для нас важно иное. Сама мысль об *уподоблении* и ее изначальное постулирование означает *предварительное, априорное* знание того, что есть объект как **нечто**, чему надо уподобляться, то есть воспроизводить себя в форме этого нечего. Другими словами, имеется изначальное постулирование того, что еще только должно быть воспринято. Это изначальное постулирование означает гносеологическую **заданность** объекта восприятия по отношению к субъекту восприятия.

В качестве примера можно привести «простое» виртуальное исследование, поставив вопрос: как происходит процесс восприятия «квадрата»? Но как только мы сказали «квадрат» (а не «треугольник», не «круг»), мы тем самым сказали, что у «квадрата» как объекта восприятия «равные стороны», «равные углы», да еще «прямые углы» и т.д. Но это означает, что процесс непосредственного восприятия этого «квадрата» *уже произошел ранее*, иначе откуда бы мы знали, что у квадрата, как объекта восприятия, равные стороны и углы? Значит, мы описываем «квадрат» как «квадрат» на основе ранее сформировавшихся его зрительных образов. И тогда «процесс восприятия квадрата», как предмет нашего виртуального исследования, предстает как процесс, заключенный между «квадратом как объектом восприятия», то есть ранее сформировавшимся, гносеологическим «образом квадрата» как фигуры с равными сторонами и углами — с одной стороны, и непосредственно формирующимся его актуальным зрительным образом (здесь и теперь) — с другой. В итоге, в логическом плане «процесс восприятия квадрата» оказывается заключенным между двумя образами «квадрата», каждый из которых является продуктом уже свершившегося психического процесса, то есть между продуктами двух психических процессов, которые осуществились в разное время. Но это означает, что собственно актуальный процесс непосредственного восприятия «квадрата» в нашу логическую схему исследования *не попадает*, потому что в рамках этой схемы мы исследуем соотношение между двумя продуктами двух разных психических процессов. Если же

² Невольно возникает вопрос: а кто будет ориентировать — гомункулус?

при этом вспомнить, что «процесс в продукте умирает», то становится понятным, что такая традиционная (гносеологическая) схема полагания процесса восприятия в качестве предмета исследования не позволяет нам проникнуть в его процессуальные механизмы, потому что собственно актуальный процесс восприятия, как было сказано, в логическую схему нашего исследования не попадает.

Сам Алексей Николаевич, наверное бы, возразил нам: а как же иначе? — Ведь изначально признание наличия у объекта пространственной формы — это просто признание объективной реальности окружающего мира. Да, конечно, объект восприятия — это объективная реальность, данная нам в ощущениях и т. д. Но это философское, а точнее — гносеологическое, определение объекта восприятия в логике извечного гносеологического вопроса о соотношении сознания и бытия, то есть в логике отношения «сознание–бытие», конкретизированного в нашем случае до отношения «субъект восприятия (образ) — объект восприятия (прототип образа)». Кстати, это та гносеологическая априорность, для обозначения которой А.И. Миракян был вынужден ввести особый термин — «имплицитная самость» объекта восприятия.

Для дальнейшего анализа цитирую А.Н. Леонтьева: «*психическое отражение*, в отличие от зеркального и других форм пассивного отражения, является субъективным, а это значит, что <...> в его определение входит человеческая жизнь, *практика* и что оно характеризуется движением постоянного переливания объективного в субъективное» (Леонтьев, 1975, с. 54).

Здесь примечательны два момента:

1) «переливание объективного в субъективное», что даже без комментариев делает понятным, что в качестве исходной посылки выступает отношение «субъект восприятия — объект восприятия»;

2) субъект восприятия — это субъект практики, но практики как критерия истины, то есть познания. И потому восприятие, по Леонтьеву, должно обеспечивать соответствие образа объективным, то есть *уже познанным* (гносеологическим — мы сказали выше), характеристикам объекта восприятия, и потому образ объекта по Леонтьеву — это образ с уже познанными, известными свойствами. И потому «практика» как «деятельность субъекта» берется Леонтьевым не как действительная практика предметного действия, а как логическая предпосылка, схема для анализа перцептивного действия.

Хотя сам Алексей Николаевич возражал против механистического понимания отношения «субъективный образ — отражаемая реальность как объект восприятия»: «Положение о том, что психическое отражение реальности есть ее *субъективный образ*, означает принадлежность реальному субъекту жизни» и то, что «связь образа с отражаемым не есть связь двух объектов <...> и не схватывается отношением “модель — моделируемое”» (там же, с. 55). И далее он разъясняет: «понятие субъективности образа включает в себя понятие *пристрастности* субъекта. Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления, мышления от того, “что человеку нужно”, — от его потребностей, мотивов, установок. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что позволяет активно проникать в реальность. Иначе говоря, субъективность на уровне чувственного отражения следует понимать не как его

субъективизм, а скорее как “субъектность”, то есть его принадлежность деятельному субъекту» (там же, с. 55–56). Как видим, Леонтьев признает возможность пристрастного и в этом смысле неадекватного психического отражения реальности в субъективном образе, но для него подобная неадекватность предстает как артефакт, как следствие субъектности, принадлежности субъективного образа деятельному субъекту, то есть субъекту действия.

В отличие от этого, гносеологически обусловленного, как я полагаю, подхода Алексея Николаевича Леонтьева, Дмитрий Александрович Ошанин рассматривает гносеологическую неадекватность образа в виде функциональной его деформации (искажения объективных свойств объекта восприятия) в качестве необходимого следствия того, что образ формируется в предметном действии. Более того, такая деформация образа является необходимым условием успешного выполнения данного предметного действия, то есть его функциональной адекватности. Иными словами, Ошанин вводит формирование образа в контекст бытия предметного действия, вследствие чего адекватность образа в предметном действии определяется не гносеологически обусловленным знанием о свойствах объекта восприятия, а функциональной необходимостью отражать и «выпячивать» в образе только функционально необходимые свойства объекта восприятия как предмета действия с ним. В этом смысле можно говорить о том, что, в отличие от Д.А. Леонтьева и его последователей, Дмитрий Александрович Ошанин вводит онтологический аспект в формирование перцептивного образа.

Данное отличие определяется следующим. Для А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева и их последователей акт восприятия совпадает с перцептивным действием, которое по сути представляет собой субстанциональную основу для процесса формирования и порождения образа и которое обеспечивает адекватность (требуемое соответствие) отражаемого объекта его образу. Для Д.А. Ошанина же предметное действие выступает, на мой взгляд, в качестве своеобразной онтологической формы, посредством которой образ, формируемый в процессе восприятия, обеспечивает адекватность и успешность действий, производимых не просто воспринимающим, но действующим(!) субъектом.

Анализируя различие в понимании «предмета действия» А.Н. Леонтьевым и своим его пониманием, Д.А. Ошанин говорит (1999, с. 99): «Дело, однако, в том, что понятие предмета как “то, на что направлен акт”, можно понимать:

- либо как то, что имеет быть достигнуто при помощи акта, то есть как цель акта, преследуемый им результат (фр. “objectif”, ср. у А.Н. Леонтьева “предмет (цель)”, “предмет (непосредственный результат)”³;
- либо как то объективное, *на чем* результат имеет быть достигнут, то, что имеет быть преобразовано в результат, что в некотором смысле противостоит цели действия, предмет в его непосредственной данности (фр. objet, нем. Gegenstand).

Как следует из сказанного выше, мы употребляем термин “предмет действия” (объект) во втором смысле, предпочитая в первом случае говорить “цель действия” или “преследуемый действием результат”».

Как видим, предмет как объект действия и, соответственно, как объект восприятия понимается этими авторами по-разному. Для А.Н. Леонтьева — это объект

³ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1959. С. 37.

в данности его свойств, которые затем могут и/или должны быть преобразованы в соответствии с целью действия. Для Д.А. Ошанина объект действия изначально преобразуем: «Для предметного действия — объект принципиально преобразуем. Как и любая преобразующая система, он функционально характеризуется некоторым количеством возможных состояний, которые могут быть либо статическими, либо динамическими» (Ошанин, 1999, с. 107). И в этом смысле объект для Ошанина до начала действия с ним характеризуется неопределенностью, возможностью находиться в разных состояниях, но не сам по себе, а в контексте осуществляемого по отношению к нему перцептивного акта, другими словами — в контексте бытия перцептивного акта. Эта неопределенность снимается оперативностью отражения, когда субъект предметного действия отражает объект восприятия (предмет действия) не в полном объеме его возможных (гносеологически известных) свойств и состояний, а лаконично, функционально избирательно и, более того, функционально деформируя (искажая) объективные его свойства в релевантные, функционально необходимые для выполняемого действия.

Д.А. Ошанин (там же, с. 105): «Весьма существенно не путать *оперативный* аспект понятия ССО (система “субъект–объект”. — В.П.) с *гносеологическим* аспектом того же понятия. Если в гносеологическом смысле в ССО совершается *познавательный процесс*, причем *познающему* субъекту противостоит *познаваемый* им объект, то в предметном действии имеет место *процесс материального преобразования объекта: преобразуемому* объекту здесь противостоит *преобразующий* субъект». Тем самым Ошанин рассматривает предметное действие в онтологическом ключе — как «форму бытия», осуществление которой требует от субъекта предметного действия преобразующего отношения к объекту, а это, в свою очередь, — субъективного соотношения гносеологически заданных (уже познанных) свойств предмета действия и результата их функционально искаженного отражения в оперативном образе.

В качестве примера позволю себе привести неопубликованные результаты исследования, проведенного Н.Л. Мориной и югославскими коллегами под руководством Д.А. Ошанина, по изучению восприятия пространственного расположения лампочек в ситуации имитации аварийного сигнала. Лампочки были расположены по кругу, задача испытуемого состояла в том, чтобы как можно быстрее нажать кнопку, когда вспыхивала лампочка (имитация аварийного сигнала), расположенная в верхней правой части круга (рис. 1). На рисунке эта лампочка выделена черным цветом, но в экспериментальных условиях она по цвету не отличалась от других лампочек. По завершении эксперимента испытуемых спрашивали: как расположены лампочки. Обычный ответ был: по кругу. Но когда их просили графически изобразить расположение, то они рисовали искаженный круг, добавляя к окружности «носик» на месте аварийной лампочки, т. е. выставляя «аварийную лампочку» за пределы общего круга расположения других лампочек (рис. 2). Интересно, что и те испытуемые, которые отвечали, что лампы расположены по кругу, и рисовали лампочки расположенными по кругу, то есть неискаженно, и те испытуемые, которые и отвечали, что лампочки расположены по деформированному кругу, и рисовали именно деформированную окружность, — с задачей эксперимента (быстро нажать кнопку на «аварийный» сигнал) справлялись плохо.

Возвращаясь вновь к нашей полемике А.Н. Леонтьев versus Д.А. Ошанин, необходимо отметить, что отличие в их позициях принципиальное. По А.Н. Леонтьеву,

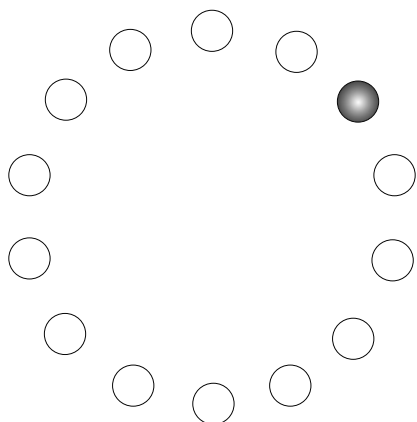

Рис. 1. Расположение лампочек на информационной панели. Для наглядности лампочка, которая играет роль «аварийного» сигнала, выделена черным. Но в экспериментальной ситуации все лампочки одноцветные

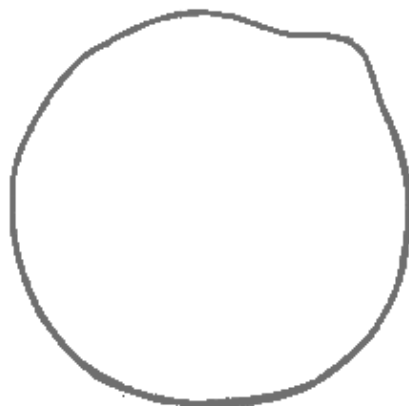

Рис. 2. Пример графического отчета испытуемого о том, как были расположены лампочки на информационной панели

процесс восприятия как перцептивное действие обеспечивает адекватность формируемого образа объективно существующим, то есть гносеологически заданным, пространственным (или иным) свойствам объекта. Это означает, что по своей природе процесс восприятия должен обеспечивать *гносеологическую адекватность* образа его «объектному прообразу», которым является объект как гносеологически заданная (известная и, следовательно, уже отраженная в понятийном знании) данность объекта. Поэтому всякое искажение образа относительно отражаемого в нем объекта предстает либо как ошибка, либо как пристрастность (субъектность) образа, и в этом смысле — как нарушение природной функции восприятия *обеспечивать адекватное* отражение объекта и посредством этого — адекватные действия субъекта (жизне)деятельности.

По Д.А. Ошанину же, искажение (точнее, «деформация») в оперативном образе объективных, известных свойств объекта является не артефактом, не ошибкой, не нарушением природы восприятия, а напротив — функционально необходимым, природно присущим процессу восприятия свойством, только благодаря которому субъект получает возможность адекватного выполнения предметного действия по отношению к данному объекту. Суть оперативности психического отражения в том-то и состоит, что один и тот же объект должен отражаться в образе субъекта предметного действия одновременно и гносеологически адекватным, и функционально деформированным (искаженным). Именно эта двойная сопредставленность и взаимная соотнесенность гносеологически адекватного и функционально искаженного отражения объекта в оперативном образе предмета действия оказывается необходимым условием успешности выполнения требуемого предметного действия. Причем функциональное искажение объекта в оперативном образе может быть различным в зависимости от задачи выполняемого с ним действия.

Это означает, во-первых, что Дмитрий Александрович не подменяет природную субстанциональность психического отражения деятельностью субстанциональностью психического в человеке. А во-вторых, согласно его подходу, процесс восприятия по своей природе должен обеспечивать сначала *функциональную* адекватность образа, без которой невозможно успешное осуществление предметного действия в практическом плане. *Гносеологическая* же адекватность образа является продуктом познавательного (гносеологического) процесса, который тоже может рассматриваться как предметное действие, но специфически познавательное, а не предметно-практическое, каким являются, например, операторские действия или действия охотника, настигающего жертву. В-третьих, это означает, что в действительности концепция предметного действия и оперативного образа построена Д.А. Ошаниным в контексте онтологической парадигмы исследования психического отражения, хотя сам он не обозначал такого изменения исследовательской парадигмы.

2.2. Экологический подход к восприятию Дж. Гибсона: от данности «объекта восприятия» к «среде обитания» как объекту восприятия

Независимо от указанных исследований А.Н. Леонтьева и Д.А. Ошанина и исторически раньше методологическая ограниченность концепта «объект восприятия» и необходимость отказа от него весьма убедительно были показаны в экологическом подходе к восприятию Дж. Гибсона (1998). Отличительной чертой этого подхода является изучение психических процессов, состояний и личности человека в естественных условиях и согласно своей естественной природе (без вмешательства психолога-исследователя). Этот подход дал толчок к постулированию системы «индивид–среда» в качестве исходного основания для определения области экопсихологических исследований, а также к введению в психологический словарь понятия «среда обитания» как совокупности средовых возможностей (условий), находящихся в отношении взаимодополнительности к жизненным потребностям индивида (Гибсон, 1988).

Необходимость разработки этого подхода (в первоначальном названии — экологическая оптика) возникла вследствие невозможности объяснения в рамках классических теорий восприятия тех особенностей и механизмов восприятия пространственных свойств и отношений, которые обнаруживаются в практической деятельности летчиков при взлете и посадке. Одной из основных причин указанной ограниченности классических теорий восприятия, по мнению Дж. Гибсона, является, во-первых, опора на экспериментальные данные, полученные в лабораторных условиях, и, во-вторых, использование физикальных (в нашей терминологии) представлений о величине, движении, скорости и тому подобных свойствах для описания реальных объектов восприятия в реальных условиях его осуществления.

Так, в методологическом плане Дж. Гибсон (1988, с. 32) справедливо подчеркивает: «Идея взаимосвязи животного и окружающего его мира не могла возникнуть в физических науках. Такие фундаментальные понятия, как “организм” и “окружающий мир” или “вид” и “среда его обитания”, нельзя вывести из понятий пространства, времени, материи и энергии — понятий, лежащих в основе всех физических наук». «Для психолога, — продолжает он, — не годятся те масштабы величин,

которыми оперируют в современной физике при описании мира (атомарный и космический). В психологии мы имеем дело с *предметами экологического уровня*, то есть *со средой обитания* животных и человека, потому что в процессе своей жизнедеятельности мы сталкиваемся с предметами, на которые можно смотреть, можно осязать, обонять или попробовать на вкус, а также с событиями, которые можно слышать» (там же, с. 34–35; курсив мой. — В.П.).

В теоретическом плане суть экологического подхода к восприятию, предложенного и разработанного Дж. Гибсоном, фиксируется в постулировании следующих исходных оснований, отличающих этот подход от классической психологии восприятия.

1. *Изменено представление о пространственных свойствах и отношениях окружающего мира как объекта зрительного восприятия.* Согласно Дж. Гибсону, человек и другие живые существа отражают в зрительном процессе не те пространственные свойства и отношения, которые нам известны из геометрии и физики (величина, удаленность, прямая, углы, плоскость и т.п.), а те свойства и отношения, которые обеспечивают возможность осуществления жизненно необходимых функций, отвечающих природе данного живого существа.

Окружающий мир, по Гибсону, представляет собой не «физический мир», свойства и отношения которого исследуют и измеряют физика, геометрия, химия и другие естественные науки, а «экологический мир», то есть «среду обитания», свойства и отношения которой непосредственно видит, ощущает, обоняет живое существо как представитель определенного биологического вида в реальных условиях его жизнедеятельности и в соответствии со способами этой жизнедеятельности.

Соответственно, окружающий мир как среда обитания и в качестве объекта восприятия будет выглядеть по-разному для разных видов живых существ. Муравей воспринимает окружающий его мир иначе, чем орел или дельфин. При этом в качестве объектов восприятия должны рассматриваться не отдельные пространственные свойства и отношения, а комплексы функционально и перцептивно различных «веществ (текстура, плотность, мягкость, шершавость и т.п.)», «поверхностей (ровная, с углублениями, вертикальная, горизонтальная и др.)», «вещественных сред (вода, воздух)», «компоновок, встроенных друг в друга», и т.д.

Следовательно, с экологической точки зрения необходимо исследовать восприятие непосредственное, а не опосредованное микроскопами, телескопами, фотографиями, рисунками и иными продуктами человеческой цивилизации.

Чтобы иметь возможность «экологического» описания восприятия, Дж. Гибсон ввел ряд понятий. Так, он пишет: «В связи с понятием структурных элементов окружающего мира мне представляется необходимым обратить внимание читателя на то, что более мелкие элементы содержатся в более крупных. Этот факт имеет принципиальное значение для излагаемой здесь теории, и поэтому я ввожу специальный термин: “встроенность” <...> При любом масштабе можно обнаружить, что одни формы содержат в себе другие. Любой элемент встроен в более крупный. Предметы являются составными частями других предметов» (там же, с. 34).

«Текстуру можно представить себе как структуру поверхности (последнюю следует отличать от структуры вещества, внешней оболочкой которого является эта поверхность). Речь идет об относительно тонкой структуре окружающего мира. Поверхности скал, вспаханной почвы, травы представляют собой скопление различных

элементов — кристаллов, комьев, стебельков травы, причем эти элементы встроены в более крупные» (там же, с. 57).

Аналогично с экологической (средовой) позиции Гибсон меняет понимание времени и движения как объектов непосредственного восприятия: «Главное внимание будет уделено изменениям, событиям и периодически повторяющимся явлениям того уровня физического мира, к которому относится земная поверхность. Я буду говорить об изменениях, событиях и последовательностях событий, а не о времени как таковом. Течение абстрактного, пустого времени лишено реальности для животного, хотя для физика это понятие представляет известный интерес. Мы воспринимаем не время, а процессы и изменения, последовательности. Внутри любого события существуют другие события, подобно тому как внутри всякой формы — другие формы. <...> При этом длительность действий животных сравнима с длительностью событий в окружающем мире. Элементарных, атомарных реакций здесь тоже не существует» (там же, с. 36–37).

«Движение в окружающем мире в действительности столь существенно отличается от движения, которое изучал Исаак Ньютон, что лучше представлять его себе *в виде изменения структуры*, а не как изменение положения точек; *в виде изменений формы*, а не координат; в виде изменений *в компоновке*, а не как движение в обычном смысле слова» (там же, с. 42; курсив мой. — В.П.).

Приведенные высказывания Дж. Гибсона хорошо показывают, что согласно его подходу свойства среды обитания в качестве объекта восприятия не существуют как абстрактные понятия типа «точка» или «прямая» в геометрии, а существуют, воспринимаются наблюдателем и описываются исследователем во взаимодополнении с эволюционно сформировавшимися органами восприятия, способом жизнедеятельности данного живого существа.

2. *Физическая модель оптического устройства глаза (по подобию фотокамеры) была заменена на экологическую модель освещенности объектов восприятия как компонентов среды обитания.* Классическая психология зрительного восприятия взяла за основу модель прохождения световых лучей и оптического изображения объекта восприятия на сетчатке глаза разработанную в физиологической оптике. Для нее характерно, что каждой точке пространства соответствует только один световой отраженный луч. Проецируясь на сетчатку глаза, он отображает на ней данную точку внешнего пространства. На это Гибсон возражает, что на самом деле, в реальных (не лабораторных!) условиях любая точка пространства отражает от себя бесконечное и вариативное множество световых лучей, и потому она представлена в зрительном восприятии не прямой проекцией на сетчатку глаза, а «инвариантом объемлющего светового потока».

3. *Произведен отказ от неподвижности глаза как необходимого условия для осуществления процесса восприятия. В качестве такого условия постулированы собственные движения глаза, головы и тела наблюдателя (локомоции).* Классическая психология восприятия требовала, чтобы изображение на сетчатке глаза в момент эксперимента было неподвижным⁴. В противном случае оптическая модель глаза не работает. Но, возражает Дж. Гибсон, в реальных, естественных условиях воспри-

⁴ С этой целью, в частности, были изобретены подбородники, неподвижно фиксирующие голову наблюдателя, и даже микроприсоски, устанавливаемые на глазное яблоко для

ятие осуществляется при наличии и посредством собственного движения наблюдателя (его локомоции). Отсюда встает вопрос об экологической валидности экспериментальных методик и процедур, то есть о том, что они не должны искусственно (лабораторно) ограничивать и тем самым искажать проявления собственной природы наблюдателя в процессе зрительного акта.

4. В качестве *исходного основания для определения объекта восприятия выступает система «индивид — среда обитания»*, где в роли «индивида» оказывается наблюдатель как представитель определенного биологического вида с соответствующими ему возможностями к восприятию и действию, а в роли объекта восприятия выступает «среда обитания» как совокупность положительных и отрицательных возможностей для осуществления жизнедеятельности данного живого существа.

Дж. Гибсон особо подчеркивает, что «возможности окружающего мира — это то, что он предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает, — неважно, полезное или вредное. Нужно сказать, что в существительное “возможность” я вкладываю смысл, отличный от того, который вы можете найти в толковом словаре или в словаре математических терминов. Под ним я подразумеваю нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов. Он подразумевает взаимодополнительность окружающего мира и животного» (там же, с. 18).

Отсюда следует, что понятием среды должна обозначаться не вся и не любая совокупность пространственных, социальных и иных отношений и свойств, в окружении которых находится индивид. Среда — это прежде всего те естественные условия обитания человека как биологического вида, которые непосредственно воспринимаются им как пространство его возможностей для тех или иных действий и которые поэтому находятся во взаимодополнительном соотношении к жизненным потребностям человека. Можно сказать, что среда как понятие — это абстракция нашего мышления, ибо, в отличие от объектов психического отражения в традиционной психологии восприятия, среда (средовые условия) не существует сама по себе. Она существует, как показывает Дж. Гибсон, только во взаимодополнении к перцептивным и поведенческим возможностям данного живого существа, то есть к тем способам действия по преобразованию пространственных отношений, которыми оно обладает и которые имеет возможность совершать благодаря своей собственной природе и свойствам окружающей среды.

Представление о среде как совокупности возможностей, взаимодополнительных к потребностям и возможностям данного индивида (или живого существа), означает, что одна и та же пространственная среда для разных видов живых существ и для разных индивидов предстает различной.

В дальнейшем, разрабатывая экологический подход к восприятию, Дж. Гибсон (1988) особо оговаривает несоответствие физического описания окружающего мира (как «объекта восприятия») действительному содержанию процесса восприятия. Отказываясь от описания окружающего мира через его физические свойства и отношения он описывает его как единство «среды», «вещества» и «поверхностей». (Заметим, что в нашей логике это тоже продукты восприятия, используемые

того, чтобы в экспериментальной ситуации исключить влияние собственных движений глаза на процесс восприятия. См.: Барабанщиков, 1990; Ярбус, 1995.

в качестве исходного основания.) Вследствие этого световой поток, по-разному объемля среду и отражаясь в ней, характеризуется такой вариативностью, в которой любому фрагменту окружающего мира соответствует тот или иной инвариант.

Постулирование априорного наличия такого инварианта светового потока — это то, что А.И. Миракян (1990) обозначил как постулирование «имплицитной самости» объекта. Только в классических теориях восприятия в роли этой самости рассматривались физические свойства объектов (форма, движение) или их феноменологические отношения (фигура-фон), а Дж. Гибсон в качестве таковой предопределяет указанный инвариант, оставляя открытым вопрос, посредством какого перцептивного механизма осуществляется первичное порождение существования этого инварианта.

При этом Гибсон (1988, с. 42) совершенно справедливо утверждает, что движение как объект восприятия — это не то движение, которое изучается в механистической физике: «Движение предметов в окружающем мире представляет собой явление совершенно иного порядка, нежели движение тел в пространстве. <...> Движение в окружающем мире в действительности столь существенно отличается от движения, которое изучал Исаак Ньютон, что лучше представлять его себе в виде изменений структуры, а не как изменение положения точек; в виде изменений в компоновке, а не как движение в обычном смысле слова». Однако, предлагая отказаться от представления движения как изменения пространственного положения точек, он опять же остается на продуктивных основаниях полагания предмета исследования, поскольку подменяет «точку» (как продукт восприятия) «формой» и «компоновку» (тоже продукт восприятия).

Существенно также отметить, что «Гибсон называл свою теорию “прямой”, “непосредственной”, подчеркивая тем самым, что главная задача заключается в установлении прямой, непосредственной связи между образами и инвариантами-стимулами. Никакого промежуточного процесса (нервного или психического), опосредствующего эту связь, с точки зрения Гибсона, нет» (Логвиненко, 1988, с. 11).

Поэтому Дж. Гибсон считает, что «неизменным объектам соответствуют определенные инварианты оптической структуры, которые сами по себе лишены какой бы то ни было формы, а любому движению объекта соответствует свое особое возмущение оптической структуры — перспективное преобразование» (Дж. Гибсон, 1988, с. 350). Описывая же процесс восприятия, он говорит, что «происходит просто извлечение либо факта совпадения строя с самим собой, либо факта его диспаратности по отношению к самому себе, причем последний встречается чаще» (там же, с. 351).

Произведенная Дж. Гибсоном критика физикальной парадигмы изучения зрительного восприятия и предложенная им экологическая парадигма оказали большое влияние на представления психологов о том, что и как надо исследовать в психологии восприятия и в других областях психологической науки. В частности, представление об экологической валидности экспериментальных методов и процедур (т.е. требования их соответствия естественным условиям протекания изучаемого психического явления) стало применяться в самых разных психологических исследованиях. Кроме того, представление о среде обитания как совокупности условий и возможностей, находящихся в отношении взаимодополнительности

к субъекту восприятия, послужило основой для психодидактической разработки понятия и концепции образовательной среды (Лебедева, 2000; Панов, 2000, 2004; Ясвин, 1997).

Оценивая экологический подход к восприятию Дж. Гибсона в контексте данной книги и в наших терминах, необходимо отметить, что этот исследователь сумел убедительно продемонстрировать ограниченность методологических возможностей гносеологической парадигмы при изучении непосредственного восприятия пространственных свойств и отношений в практической деятельности человека. Во-первых, он показал непродуктивность использования гносеологически заданных (уже познанных в физике и геометрии) пространственных свойств и отношений для концептуализации «объекта восприятия» при изучении непосредственного восприятия в естественных (экологически валидных) условиях жизнедеятельности человека. Во-вторых, он показал, что при изучении непосредственных процессов восприятия в естественных условиях необходимо вместо концепта «объект восприятия» использовать концепт «среда обитания». В-третьих, Дж. Гибсон отказался от гносеологически заданного отношения «субъект восприятия — объект восприятия» как исходной предпосылки для изучения непосредственного восприятия, сменив его на отношение «индивид как субъект жизнедеятельности — среда обитания, эволюционно сложившаяся для данного биологического вида». В сочетании с требованием изучать процесс восприятия «так, как он происходит сам по себе», то есть в естественных, экологически валидных для данного индивида условиях, это означает введение онтологического аспекта в качестве исходного основания для разработки своего экологического подхода к восприятию. Но, учитывая постулирование Дж. Гибсоном прямого соответствия между инвариантом светового потока (а значит, его изначальной заданностью) и продуктом его непосредственного восприятия, следует признать, что его экологический подход к восприятию скорее принадлежит гносеологической, чем онтологической парадигме.

Парадигмальное значение введения понятия «среда обитания» (или шире «окружающая среда») вместо гносеологической заданности физикальных свойств «объекта восприятия» определяется тем, что при этом происходит, образно выражаясь, смысловое размывание самого понятия «объект восприятия». Дело в том, что «среда как объект восприятия» отличается субъективной неопределенностью, потому что она характеризуется:

- сопредставленностью различных объектных свойств и отношений разной модальности;
- различной функциональной и субъективной значимостью сопредставленных свойств и отношений окружающей среды, подлежащих восприятию;
- тем, что количество и структурированность сопредставленных средовых свойств и отношений имеет субъективно относительный характер, так как зависит от состояния индивида, от выполняемого им действия (деятельности), от этнокультурной принадлежности и других индивидуально-психологических особенностей (Дерябо, Ясвин, 1996; Панов, 2004).

Поэтому пространственные свойства «объекта восприятия» при таком «средовом» подходе к восприятию становятся относительными, так как начинают определяться не только и не столько собственными (объекта) свойствами, сколько свойствами данной зрительной системы, с одной стороны, и функциональными

потребностями человека как субъекта восприятия — с другой. «Объектом восприятия» при онтологическом подходе становится, как показывает В.А. Барабанщиков (2001, с. 111–112), сама «ситуация восприятия», включающая свойства и окружающего мира (среды), и самого субъекта восприятия:

«Объект восприятия — интегративное образование, включающее разнородные элементы индивида и среды, объединенные общностью места и времени их существования, объективными связями (причинно-следственными, генетическими, структурными, функциональными и др.) и отношениями, в том числе потребностями субъекта и возможностями их удовлетворения. Речь идет о форме единства индивида и среды, которая неплохо описывается в терминах “ситуации” (Argale, Pumpham, Graham, 1981; Lewin, 1935; Magnusson, 1981), “жизненного пространства” или “мира” (Голд, 1990; Рубинштейн, 1973; Lewin, 1935; Uexkull, 1955), выражающих способ объединения разнонаправленных “сил” и потенциалов в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежат индивиду. Это — его ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще. Объект-ситуация изначально противоречив и парадоксален: он включает в себя воспринимающего и, одновременно, противопоставляет ему как нечто внешнее, иное. Одной его стороной оказываются условия жизни, другой — их восприятие и оценка человеком, включенным в ситуацию. Логика развития объекта-ситуации основана на приоритете внутренних связей над внешними, преобладании центростремительных сил над центробежными, динамики над статикой. Осуществляя восприятие, субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему. Соответственно объект восприятия оказывается и детерминантой (вернее, системой детерминант), и результатом активности субъекта».

Это означает, что в рамках онтологической парадигмы исходной предпосылкой для изучения процесса восприятия становится отношение «субъект восприятия — окружающая среда», а предметом изучения — условия и механизмы осуществления порождающего процесса восприятия как становление бытия порождаемой в нем и посредством него психической реальности (в виде образа, состояния и т. д.).

Более конкретному анализу парадигмальных особенностей изучения порождения движения, скорости и стабильности объектов окружающего мира на непосредственно-чувственном уровне восприятия посвящена следующая глава.

Выводы к главе 2

Это означает, что, в отличие от гносеологической заданности пространственных свойств и отношений «объекта восприятия», в онтологическом плане (когда речь идет о реально происходящем актуальном процессе формирования образа) «объект восприятия» не может рассматриваться как гносеологическая данность (уже познанность) его свойств и отношений, ибо в актуальном процессе восприятия эти свойства еще не восприняты, не отражены. Поэтому переход к онтологическому рассмотрению формирования образа неизбежно приводит к своеобразному размышлению концепта «объект восприятия» вследствие неопределенности и функциональной относительности его свойств, которые будут отражены в образе данного «объекта восприятия». Следовательно, логика исследования актуального формирования образа «объекта восприятия» не может строиться на основе объективной (т. е.

уже познанной) данности пространственных свойств «объекта восприятия». «Объектом восприятия» при таком подходе становится не отдельный «объект восприятия (отдельные его свойства)», а совокупность пространственных свойств и отношений, отражение которых в непосредственном образе является необходимым условием для успешности выполнения конкретного предметного действия. Предметом же исследования становятся не механизмы, реализующие «принцип уподобления» и тем самым обеспечивающие адекватность «образа объекта восприятия» объективным характеристикам «объекта восприятия» (по А.Н. Леонтьеву), а перцептивные механизмы, обеспечивающие оперативность восприятия и соответствующую функциональную деформацию «объекта восприятия» в предметном действии (по Д.А. Ошанину) или же функциональную гибкость процессов восприятия, обеспечиваемую перцептивным искажением пространственных свойств и отношений на непосредственно-чувственном уровне восприятия (по А.И. Миракяну), т. е. их способность отражать один и тот же «объект восприятия» по-разному в зависимости от целей и условий осуществляемого с ним предметного действия.

Можно сказать, что в определенном смысле продолжением этой логики становится вопрос, который ломает всю предшествующую парадигму исследования проблемы образа. Это вопрос, который был поставлен Дж. Гибсоном и независимо от него А.И. Миракяном: а действительно ли пространственные или иные свойства объекта существуют для непосредственно воспринимающего их субъекта в объективном, гносеологически заданном (и потому изначально заданном) виде или же они порождаются, конструируются всякий раз (как «в первый раз», заново) в зависимости от задачи и условий предметного действия, осуществляемого данным субъектом?

Глава 3 ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ВОСПРИЯТИЮ ДВИЖЕНИЯ И СТАБИЛЬНОСТИ ОБЪЕКТОВ: ОТ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК К ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫМ ПРИНЦИПАМ¹

3.1. Основные подходы к изучению восприятия движения

Взаимодействие человека, как, впрочем, и других живых существ, с окружающей средой начинается с восприятия ее пространственных свойств и отношений, результаты которого затем опосредствуют его поведение в этой среде. Причем если первичный акт такого восприятия происходит на непосредственно-чувственном уровне психического отражения, то есть на уровне формирования ощущений, то протекание последующих перцептивных актов начинает опосредоваться результатами предшествующих перцептивных актов и предшествующего опыта восприятия более высокого уровня, то есть пространственных представлений и понятий. По этой причине различают ощущения, восприятия и представления как разные уровни перцептивного отражения пространственных свойств и отношений окружающего мира.

Проблемы восприятия пространственных свойств и отношений окружающего мира (величины, формы, движения объектов и стабильности видимого мира и др.) относятся к классическим проблемам психологии восприятия. Однако ни классической, ни современной психологии пока не удалось разработать единую теорию, способную объяснить многообразие (а порой и противоречивость) феноменов данного вида восприятия и раскрыть его процессуальные механизмы (Барабанщиков, 1990, 2000; Белопольский, 2007; Костелянец, Леушина, 1971; Миртов, 1983; Панов, 1998; Jung, 1972 и др.).

Это положение ставит перед необходимостью методологического анализа исходных предпосылок, предопределяющих основные подходы к исследованию этих проблем восприятия. В концептуальном плане целесообразно выделить четыре таких подхода: психофизический (включая квазиматематический), сетчаточномоторный, феноменологический и операциональный (Панов, 1996)².

¹ *Панов В.И.* Восприятие движения и стабильности окружающего мира: гносеологическая и трансцендентальная парадигмы // А.И. Миракян и современная психология восприятия : сб. материалов науч. конф. (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М. : УРАО «Психологический институт» ; Обнинск : ИГ-СО-ЦИН, 2010. С. 227–252. — Издание осуществлено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 10-06-14212г.

² Данное исследование было проведено в конце 1980-х и начале 90-х гг., поэтому в нем не представлены литературные данные по этой проблеме за последние 20 лет. Однако принципиальных изменений в подходах к этой проблеме за эти годы не произошло, не считая системно-генетического подхода к восприятию (Барабанщиков, 1990, 2000, 2002), который требует особого анализа (см. Панов, 1991).

Психофизический подход, как известно, направлен на изучение и описание количественных отношений между физическими параметрами объекта (стимула) и результатом его восприятия (ощущением, образом). Поэтому собственно процессуальные механизмы восприятия движения в предмет психофизических исследований не входят. Хотя есть ряд квазиматематических работ, в которых предлагаются различные математические интерпретации и описания процесса восприятия движения (Клике, 1965; Логвиненко, 1985; Марр, 1987; Мещеряков, 1982; Ульман, 1983). Основной вывод, который следует из психофизических исследований, состоит в том, что в зависимости от разных факторов объекты могут восприниматься движущимися в условиях, когда они реально неподвижны, и, наоборот, неподвижные объекты в определенных условиях могут восприниматься движущимися (Грехэм, 1963; Креч, Крачфилд, Ливсон, 1975; Рок, 1980; Маск, 1986 и др.).

Сравнительный анализ сетчаточно-моторного (сетчаточно-мышечного) и феноменологического подходов показывает, что, несмотря на явные различия, их общей методологической чертой является перенос физического, механистического представления о движении (как изменении пространственного положения объекта относительно некоторой системы отсчета) на понимание процессуального содержания восприятия движущихся и неподвижных объектов. В то же время концептуальное различие этих подходов определяется ориентацией исследователя на принятие абсолютного или относительного характера пространства и движения. В свою очередь, это предопределяет выбор различных эмпирических оснований (фактов) для изучения и объяснения восприятия движения объектов и стабильности видимого мира.

При сетчаточно-моторном подходе в качестве подобных эмпирических оснований постулируется самоочевидность восприятия движения объекта при смещении проекции этого объекта относительно «пространства» неподвижной сетчатки глаза или же при прослеживании наблюдателем движущегося объекта глазами, головой, всем телом (Вундт, 1912; Мах, 1908; Сеченов, 1947; Титченер, 1914; Helmgoltz, 1896 и др.). Нетрудно заметить, что при таком подходе процесс восприятия движения исходно определяется относительно данности неподвижности или движения глаза или положения наблюдателя, выполняющих роль явной или неявной системы отсчета, и в конечном счете — относительно данности пространства, в котором находится наблюдатель и неподвижность которого постулируется изначально. Последнее, как известно, характерно для представления об абсолютном характере пространства. Эта же логика остается основополагающей и для многих современных исследователей, в частности для сторонников нейронно-детекторных теорий (Глезер, 1976; Грегори, 1970; Зенкин, Петров, 1979; Линдсей, Норман, 1974 и др.).

Представители феноменологического (первоначально гештальтистского) подхода, напротив, реализуют в своих исследованиях представление об относительности пространства, то есть о зависимости его свойств от свойств объектов, составляющих его структуру (Осгуд, 1975; Wertheimer, 1912; Duncker, 1929; Koffka, 1936 и др.). Соответственно, будет ли объект восприниматься в качестве системы отсчета и казаться движущимся или неподвижным, зависит от перцептивной организации феноменального поля, в частности, от его пространственно-временной структуры, результат восприятия которой предопределяет, какие именно компоненты этой структуры будут выступать в роли феноменальной системы отсчета.

В этом смысле движение и неподвижность как «объект восприятия» имеют относительный характер и не обладают той исходной заданностью, которая характерна для постановки проблемы восприятия движения в рамках сетчаточно-моторного подхода. Поэтому естественно, что в качестве эмпирических оснований сторонники феноменологического подхода постулируют исходную данность таких феноменальных результатов восприятия, как «фи-феномен», «фигура-фон», «хорошая фигура», «общая судьба» и т. п. Аналогичная постановка проблемы прослеживается и в более поздних работах, проводимых в рамках указанного подхода (Арнхейм, 1974; Валлах, 1974; Рок, 1980; Маск, 1986 и др.).

Физикальную отягощенность сетчаточно-моторного и феноменологического подходов пытаются преодолеть представители операционального подхода. Согласно их пониманию, восприятие движения возникает на основе более ранних перцептивных феноменов, чем «неподвижность» и «время». В качестве таковых они выделяют «интуицию обгона» (Пиаже, 1966), «текстуру» (Гибсон, 1988), «пространственную локализацию» (Величковский, 1982) и другие подобные феномены, постулируемые как исходная данность по отношению к восприятию движения и неподвижности.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на концептуальные различия сетчаточно-моторного, феноменологического и операционного подходов, в методологическом отношении все они принадлежат к общей парадигме изучения процессов восприятия.

Определяя предмет исследования, представители этой парадигмы рассматривают процесс восприятия движения объектов и стабильности видимого мира в логике гносеологического отношения «объект-субъект (образ)», для которого характерна данность его исходных компонентов. В первую очередь данность свойств объекта, подлежащих отражению: «движение» и «неподвижность» (объекта или системы отсчета), «форма» и «пространственная локализация» объекта, «фигура-фон», «текстура» и т. п.

Следует заметить, что относительно процесса восприятия, полагаемого в качестве предмета исследования, такая исходная данность объектных свойств возможна лишь в том случае, если они уже восприняты и представлены (идеализированы) в сознании исследователя, представлены в непосредственно-чувственной форме — в виде продукта процесса восприятия (ощущения, образа), и/или в мыслительно-опосредованной форме — в виде представления, понятия (о движении и других объектных свойствах), непосредственно-чувственной основой которых являются опять же продукты уже свершившегося процесса восприятия.

Поэтому при гносеологической (субъект-объектной) постановке вопроса: «Как воспринимается движение?» — процесс восприятия, полагаемый в качестве предмета исследования, оказывается заключенным между продуктами уже свершившихся актов восприятия: между «движением» как гносеологически заданным, то есть противостоящим «субъекту восприятия», отраженным ранее и уже познанным «объектом восприятия», и «движением» («неподвижностью») как актуальным результатом здесь-и-теперь свершившегося процесса восприятия (в виде ощущения, образа, представления и т. п.).

В итоге, рассуждения исследователей о том, что представляет собой процесс восприятия движения и его механизмы, остаются на абстрактно-логическом

уровне, на уровне дискурсивно-понятийных логических связей и отношений между продуктами уже свершившихся (ставших, как говорят философы) процессов восприятия. Сам же процесс восприятия, его непосредственно-чувственный уровень, на котором собственно и происходит *порождение* «движения» и других «пространственных свойств и отношений» как будущих продуктов восприятия, остается вне абстрактно-логического уровня анализа и рассуждений. И потому допродуктивный, собственно процессуально-порождающий уровень непосредственно-чувственного восприятия, осуществляющий порождение «движения», «неподвижности» и т.п. «пространственных» данностей как продуктов восприятия, остается вне предмета исследования и, следовательно, неизученным (Миракян, Панов, 1985; Панов, 1998).

И это не удивительно, поскольку в классических и современных исследованиях представление о восприятии движения формируется посредством абстрактно-логического переноса *понятийного* представления о движении на *непосредственно-чувственный* уровень процесса восприятия. Такой перенос является общей и традиционной особенностью образа мышления в *гносеологической* («продуктивной», физикальной, по выражению А.И. Миракяна) парадигме изучения восприятия пространственных свойств и отношений (Миракян, 1990, 1992, 1999, 2004), включая восприятие движения объектов и стабильности видимого мира (Миракян, Панов, 1985; Панов, 1998).

Чтобы показать, что дискурсивно-понятийный (абстрактно-логический) способ описания движения как объекта восприятия, характерный для этой парадигмы, не случаен и имеет глубокие историко-философские корни, нами был проведен анализ известной с античных времен апории Зенона «Стрела», а также некоторых рассуждений И. Канта об относительности движения. Этот анализ показывает, что «продуктивная» часть рассуждений этих философов о движении и неподвижности объектов, по сути, воспроизводится в способе постановки и решения проблем восприятия движения и стабильности видимого мира как классической, так и современной психологией восприятия.

3.2. Гносеологические предпосылки, обуславливающие «продуктивный» характер понимания восприятия движения и неподвижности

3.2.1. Понимание восприятия движения и апории Зенона³

Методологическая невозможность понять реальное движение вышеуказанным дискурсивным способом — через понятийную дискретизацию движения на отдельные его пространственно-фиксированные моменты (локализации) — была продемонстрирована еще в античной философии Зеноном (Зенон, 1989).

Известны четыре аргумента, которые называются апориями Зенона и которые логически доказывают невозможность движения, несмотря на то, что оно есть. Один из них, «Стрела», излагается (по Симпликию) следующим образом: «Летающая стрела покоится в полете, коль скоро все по необходимости либо движется, либо покоится, а движущееся всегда занимает равное себе пространство. Между тем то, что

³ Прошу прощения за повтор, необходимый для целостного понимания раздела.

занимает равное себе пространство, не движется. Следовательно, оно покоится» (там же, с. 310).

Нетрудно заметить, что в качестве логического основания для построения своей апории (т.е. логического противоречия) Зенон использует по сути те же продукты непосредственно-чувственного восприятия, о которых говорилось выше при анализе исходных оснований традиционных теорий восприятия движения. Действительно, фраза «все по необходимости либо движется, либо покоится» говорит о том, что Зенон изначально постулирует данность «движения» (следовательно, уже воспринятого) и данность «неподвижности» (тоже уже воспринятой) как имплицитную самость «всего». При этом именно как имплицитная самость (т.е. понятийная данность (Миракян, 1990, 1992) свойства «движение» и «неподвижность» обособлены друг от друга и тоже противопоставлены друг другу: «либо движется, либо покоится».

Более того, они абстрагированы не только друг от друга, но и от других пространственных свойств объектов, составляющих «все по необходимости», так как «движение» и «покой» соотносятся только друг с другом и безотносительно к другим пространственным свойствам объектов, составляющих указанное «все по необходимости». Это подтверждается выражением, что «движущееся всегда занимает равное себе пространство», которое означает, что Зенон постулировал данность «формы» движущихся объектов как то, что определенно заполняет пространство. «Форма» здесь выступает в роли еще одного продукта уже свершившегося восприятия, абстрагированного от своего непосредственно-чувственного процесса и от отражения в этом процессе других свойств объектов, в частности их «движения». Из того же выражения следует, что «форма» отождествляется с «пространством», которое занимает объект, и, значит, «пространство» постулируется тоже как данность продукта уже свершившегося процесса его восприятия, опять же обособленного от других результатов восприятия и абстрактно-логически противопоставленного им, в частности «движению» и «форме» движущегося объекта.

Таким образом, видно, что способ построения Зеноном апории «Стрела» тот же, что и способ построения исследования процесса восприятия движения объектов нашими современниками. А именно, абстрактно-логическое («продуктное») представление о движении как обособленном свойстве объекта, логически противопоставляется другим сопредставленным и также обособленным (от непосредственно-чувственного процесса) его пространственным свойствам и безрефлексивно переносится на непосредственно-чувственный процесс зрительного восприятия движущегося объекта.

В другой формулировке (в изложении Филопона) апория «Стрела» звучит еще более «продуктно»: «Все, говорит он (Зенон. — В.Л.), что находится в равном самому себе пространстве, либо покоится, либо движется, однако двигаться в равном самому себе пространстве невозможно, следовательно, оно покоится. Стало быть, летящая стрела, находясь в каждый из моментов (“теперь”) времени, в течение которого она движется, в равном себе пространстве, будет покоиться. Но раз она покоится во все моменты (“теперь”) времени, число которых бесконечно, то она будет покоиться и в течение всего времени. Однако, согласно исходной посылке, она движется. Следовательно, движущаяся стрела будет покоиться» (там же, с. 310). Эта формулировка апории интересна тем, что определение стрелы в «каждый